

[Polaris]

В. ЭФЕР

БУНТ АТОМОВ

Фантастическая повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLVI

Salamandra P.V.V.

В. ЭФЕР

БУНТ АТОМОВ

**Фантастическая
повесть**

Избранные сочинения
Том II-а

Salamandra P.V.V.

Эфер В. (Афонькин В.)

Бунт атомов: Фантастическая повесть. Рис. К. Кузнецова (Избранные сочинения, том II-a). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 130 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLVI).

В двухтомник избранных сочинений В. Эфера (Афонькина) вошли остросюжетные фантастико-приключенческие произведения, созданные автором в лагерях «перемещенных лиц» в Германии во второй половине 1940-х гг. Произведения Эфера, публиковавшиеся небольшими тиражами в «дикийских» издательствах, давно стали библиографическими редкостями и переиздаются впервые.

В полутом включена повесть «Бунт атомов». Гигантская комета, приближающаяся к нашей планете, грозит миру гибелью. А тем временем на Земле бушуют шпионские и любовные страсти и смелый эксперимент по овладению атомом выходит из-под контроля.

В. ЕФЕР

Будит автонов

БУНТ АТОМОВ

Глава I

РАЗГОВОР С КИЯМИ В РУКАХ

— От трех бортов к себе налево в угол, девятку...

— Хм!..

Вслед за этим «Хм!» последовал сухой, резкий удар. Несколько шаров на зеленом сукне пришли в движение и постепенно остановились, касаясь друг друга с замирающими, сухими щелчками.

Доктор Макдуф, со все растущим раздражением, метнул взгляд из-под своих косматых бровей на партнера, невозмутимо опершегося на кий после удара, и начал мелить свой кий, ломая и кроша мел.

— Двенадцатого налево в середину, — сказал он и пустил свой шар со скоростью пушечного ядра. Удар был мастерский, но позиция, из которой приходилось играть доктору Макдуфу, была слишком неудобной и двенадцатый шар, задрожав и тыкаясь в борта лузы, застрял в ней.

— Тройку абриколем в середину, — тихо сказал партнер, поднимая кий.

— Будете вы когда-нибудь играть, черт возьми, или нет?

— Я и играю тройку абриколем в середину.

— Нет, вы не играете, десять тысяч чертей, а отыгрываетесь!

— Уменье играть на бильярде, дорогой доктор, в конечном счете сводится к уменью отыгрываться.

— Это, может быть, в вашем проклятом Лондоне думают так... Э... позвольте!.. Уж не хотите ли вы сказать этим, что я не умею играть, если я не отыгрываюсь?

— Помилуйте, доктор! Кто же из здесь присутствующих поддержал бы меня в этом утверждении, явно противоречащем действительности?

— Сдается мне доктор, что нашла коса на камень, — подал голос толстый Сэм, — ну, да вы не огорчайтесь! — Сэм

подошел к черной доске, на которой были записаны очки. — У вас уже 48, а у него всего-навсего жалких 19. Вы его еще вздуετε!

— Заткнитесь, Сэм, и продавайте вашу гнусную отраву, которую вы называете элем, здесь в вашем «Ослином хвосте». Если бы вы хоть немножко смыслили в игре, вы бы знали, что никто не должен считать партию выигранной до того, как он ее выиграет.

Следует заметить, что таверна, которую содержал добрый Сэм, называлась отнюдь не «Ослиный хвост», как презрительно именовал ее рассерженный бильярдными неудачами доктор Макдуф, а носила гораздо более поэтическое наименование — «Львиная грива». В этот вечер в большом зале «Львиной гривы» было особенно многолюдно, хотя эта многолюдность и выражалась в том, что вместо обычных 4-5 посетителей в ней находилось 7-8, собравшихся поглазеть на бильярдное состязание между местным чемпионом — доктором и приезжим, который играл в эту благородную игру хотя и не с таким роскошным треском и грохотом, как это проделывал доктор Макдуф, но по непонятным причинам стал обыгрывать местного чемпиона.

Приезжий назывался мистером Конвэем. Он явился в Сэкс-Ярд несколько дней назад в превосходном автомобиле марки «Плимут», совершенно одинокий, если не считать бывших с ним двух желтых кожаных чемоданов, сплошь залепленных разноцветными ярлыками отелей, по которым можно было прочесть, как в книге, что мистер Конвэй, несмотря на свои сравнительно молодые годы, успел побывать до своего появления на острове Энст — по всему земному шару, начиная от Ривьеры и кончая Пернамбуко.

Остров Энст, а тем более поселок Сэкс-Ярд, расположенный на самой северной его оконечности, не такое место, где появление роскошного «Плимута», чемоданов с ярлыками, на которых изображены пирамиды, пальмы, снеговые вершины гор, и молчаливого незнакомца, одетого в пальто от Дэвиса, в галстухе, который всякий знакомый с модами Бонд-Стрит без труда признал бы произведением

Бэдда и шляпе от Локка — прошло бы незамеченным. В силу именно этих обстоятельств, подробности приезда мистера Конвэй на другой же день стали достоянием всего Сэкс-Ярда, при любезном содействии добрейшего Сэма и его не менее доброй супруги — Салли.

Стало известно, что мистер Конвэй решительно, но бесшумно остановил свой «Плимут» у самых дверей «Львиной гривы» и, зайдя в помещение, спросил:

— Имеете ли вы удобную и абсолютно спокойную комнату для меня?

На что добрейший Сэм быстро ответил, всего лишь после 5-6 минут раздумья:

— Для джентльмена в моем отеле всегда найдется пристанище.

— Отлично. Покажите мне ее, — сказал приезжий и, после осмотра комнаты в первом этаже, с массивной кроватью и огромным камином, окнами выходящей на песчаные дюны побережья, заявил:

— Это мне подходит. Сколько людей живет в вашем поселке?

Сэм скосил глаза на приезжего и с достоинством ответил:

— В нашем городе 759 жителей.

— Ну, жителей, это еще не значит людей... В отеле в Лервике, где я провел прошлую ночь — жителей было не менее миллиона, включая клопов...

— Ну, если сэр... — начал было еще с большим достоинством Сэм, но приезжий быстро прервал его заявлением, что разговор окончен и он берет комнату, сроком на 2 месяца, с условием, что его не будут беспокоить, ибо он не желает видеть ни одного из 759 жителей Сэкс-Ярда, как и вообще никого из людей.

Несколько дней он провел в своей комнате, выходя из нее только для того, чтобы одиноко побродить по окрестным пустынным дюнам. Пищу ему носили, и все попытки вызвать его на разговор оканчивались катастрофическими неудачами. Чем он занимался в течение многих часов одиночества в своей довольно-таки мрачной комнате, так и ос-

талось тайной для Сэма с его супругой, хотя эта последняя и утверждала, что незнакомец занимался изучением библиотеки, являвшейся гордостью почтенного семейства и состоявшей из нескольких десятков романов Вальтер Скотта, Теккерея, Стерна и Диккенса.

Так продолжалось до тех пор, покуда мистер Конвэй не спустился однажды вечером в большой зал и, будучи вызванным на бильярдный поединок доктором Макдуфом, не выиграл у него 5 партий кряду. Приблизительно в этом же духе игра протекала уже несколько дней.

В этот вечер зрители собрались вокруг стола, немилосердно дымя трубками, в дыме которых казался призрачным свет слабой лампы, висящей над столом, по которому катились белые шарики. Однако партии, стоящей в первый, кажется, раз обнадеживающе для доктора, так и не суждено было окончиться. Игра продолжалась при непрерывных раздраженных репликах с его стороны, в которых неизменно фигурировал черт, до тех пор, покуда доктору не пришла в голову несчастная мысль употребить пословицу: «Ничто не ново под луной».

Услышав эти слова, мистер Конвэй задержал удар, который готовился сделать и, взглянув на доктора как-то особенно пристально, произнес:

— До сих пор, по крайней мере...

— Что вы хотите этим сказать, черт подери? Уж не то ли, что проклятая система играть на бильярде, которую вы применяете, является новостью в подлунном мире?

— Нет, я не хочу этого сказать. Видите вот ту пятерку, которую я намереваюсь положить в угол направо?

— Я сомневаюсь, чтобы у вас было такое намерение... Вы намереваетесь сыграть так, чтобы ваш шар, упаси Боже, не отошел от короткого борта, десять тысяч чертей...

— Итак, вы видите эту пятерку... Следите внимательно, что произойдет, когда мой шар столкнется с нею.

— Вы, кажется, подозреваете, что явления удара упругих шаров из начальной физики для меня такая же тайна, как для некоторых лондонских хлыщей, шлифующих тротуары Пикадилли?

— А теперь представьте себе, что произошло бы, если бы мой шар был в миллион раз больше этой пятерки по своей массе?.. Что произошло бы при их столкновении?

Доктор Макдуф открыл было рот, чтобы извергнуть очередное проклятие по поводу этого вопроса, но мистер Конвэй прервал его.

— Произошло бы то, что мой шар раздробил бы эту пятерку в пыль, любезный доктор, и тем микробам, которые прилепились к ее поверхности — пришлось бы худо... Да! И такое столкновение было бы новостью в подлунном мире... Вот. Я признаю, что проиграл эту партию и вы, пока, имеете еще время торжествовать победу.

Произнеся эти слова, мистер Конвэй поставил в угол свой кий и быстро вышел из комнаты, оставив в ней удивленных собеседников. Доктор Макдуф покачал головой и постучал пальцем сперва по своему лбу, а затем по крепкому дубу бильярдного стола.

Мистер Конвэй, поднявшись в свою комнату, достал из чемодана толстую тетрадку в клеенчатом переплете с надписью «Дневник», раскрыл ее, вынул автоматическое перо и, придвинув лампу, приготовился писать.

Глава II

ИЗ ДНЕВНИКА МИСТЕРА РИЧАРДА КОНВЭЯ

Лондон, 3-го августа 195 ... года.

С меня довольно. Я чувствую, что безмерно устал. Мозг мой как будто распух и не вмещается уже в черепной коробке, которую он распирает во все стороны. Моя бедная голова болит с фатальной регулярностью каждый вечер. Я не могу ни думать ни писать, кроме, как в моем дневнике, ни видеть людей, ни разговаривать с ними.

Впечатления моей последней поездки на конференцию слишком перегрузили мою нервную систему. Кроме того, я слишком много работал. Теперь я нуждаюсь только в отдыхе. Бог мой, как приятно быть дома, находиться в своей знакомой, привычной обстановке, сидеть в своем старом удобном кресле и знать, что достаточно только протянуть руку, чтобы достать из шкафа любую из моих милых книг ... Нет, что я говорю — книг!.. Мне не нужны никакие книги, я не желаю знать никаких книг, ничего, что напоминало бы о человеческой культуре... Приятно просто так ощущать ласковое прикосновение простынь своей постели, вальяжиться на подушках своего дивана, глядя на орнамент потолочной панели, без мыслей, без дум и размышлений... Видеть эти затейливые ампирные завитки... Нет, нет! И здесь, как и во всем, что нас окружает, среди чего мы живем и без чего жить не можем, во всем этом — дыхание все той же культуры, цивилизации... Лучше жить в пещерах и драться из-за обглоданных костей. Тогда, по крайней мере, можно было рассчитывать получить по лбу костью или по спине дубинкой... И только. А книги!.. Все эти «Плоды цивилизации» привели наше бедное человечество к тому, что оно перестало понимать, что такое спокойный, здоровый сон.

Когда редактор призвал меня в свой кабинет три недели назад и сказал мне, что он решил послать меня представлять интересы нашего «Ежедневного курьера» на созываемой «Всемирной конференции по вопросам атомной энергии», — я был рад, как мальчишка и далек от той мысли, что вернусь с нее больным и постаревшим на 20 лет...

Эти господа ученые с таким олимпийским спокойствием говорили о вещах, которые принуждали мою кровь останавливаться в жилах! Они мыслят научными категориями, — и температуры в миллионы градусов, давления в миллионы атмосфер, сотни квадратных километров, испепеляемых взрывом кусочка материи размером с булавочную головку, эти смертоносные излучения, убивающие на расстоянии десятков километров все живое — все это для них только поводы к научным дискуссиям. Эти бородастые маль-

чки забывают о человечестве, о сотнях миллионов широко раскрытых ужасом человеческих глаз, следящих за достижениями их проклятого гения... О, человечество еще когда-нибудь доиграется со своей цивилизацией, техникой, культурой и наукой, которая бессильна охранить жизнь человека, которой угрожает опасность со стороны крошечной бациллы гриппа или туберкулеза, но которая изобрела тысячи способов, как убивать человека возможно лучше, быстрее и в больших количествах. Я вспоминаю стихи Беранже:

Стреляй из пушки иль из лука,
Убийство — все равно наука!..

Технический прогресс приведет к тому, что когда-нибудь человечество устроит себе дорогую и последнюю иллюминацию. Лихорадочный жар охватывает все мое существо при одном воспоминании о картинах этой последней иллюминации... Я вижу уже, как ужасные снопы пламени вырываются из-под крыши, и вся моя вилла исчезает в море огня... Из окон и дверей валят тучи дыма, клубятся некоторое время, словно нерешительно, и вдруг сменяются столбами яркого пламени... Я вижу уже, как весь город охвачен чудовищным пожаром... Нет, не один город, как это было с Хирошимой, но десятки, сотни городов, вся страна, все страны — заплатят дань вырвавшемуся из крошечных молекул и атомов Демону Всеобщего Разрушения... Земля от невероятного жара покрывается тысячами трещин; из каждого уголка, из каждой трещины и щели вырывается могучее пламя; трещины разрастаются в бездонные пропасти; вся Земля превращается в кратер вулкана... Повсюду льются тяжелые потоки огня, пожирая леса, деревни, города... Шум, гул, грохот оглушают; невообразимый свет слепит глаза... Однако, довольно. Нервы мои окончательно расходились и рисуют мне такие оргии разрушения, каких, будем надеяться, никогда не будет. Мне нужно отдыхать, отдыхать. Мне нужно лечиться безлюдьем и

тишиной... Но где найти такой уголок? Люди везде пробрались и везде оставили следы своей цивилизации ...

Лондон, 6-го августа 195 ... года.

Решено, я еду отдыхать; и еду, кажется, в чудеснейшее место!.. Еду, но удивительное дело: чувствую, что ехать мне не хочется и... не нужно уже... Не нужно, потому, что, кажется, я уже вылечился. И вылечился сразу, в каких-нибудь двадцать минут... Я боюсь, что теперь отдых на этом пустынном острове Энст — самом северном из группы Шетландских островов — будет казаться мне тяжелым изгнанием. Историю моего излечения я должен записать подробно...

Вчера утром, в состоянии самой чернейшей меланхолии, которую не могло разбавить более светлыми тонами даже свидание со старыми друзьями, я заехал завтракать в «Карльтон», один, как обычно. Я давно не был там, и старый Джо Клифтон, Верховный Жрец божества обжорства, встретил меня поистине античным взмахом руки. В темно-серой визитке, с холеной ассирийской бородой и благородным лбом, он стоял посреди малой залы ресторана, опираясь одной рукой на серебряный цоколь особого сооружения, вроде жертвенника, где под выпуклой крышкой томилось знаменитое жаркое — седло дикой козы с бобами.

На красных кожаных диванах, вдоль стен, за узкими длинными столиками сидели постоянные посетители, — из делового мира Сити и Флит-Стрит. Женщин — немного. Середина зала была пуста, не считая «Жертвенника». Джо Клифтон, вращая головой, мог видеть процесс вкусного восприятия каждого из своих клиентов. Малейшая гримаса неудовольствия не ускользала от его взора... Он провидит, несомненно, все: таинственные процессы выделения соков, тонкости работы желудка и вся психология еды, основанная на воспоминаниях о когда-то съеденном и предчувствиях будущего, на приливах крови к различным частям тела, — все это для него открытая книга.

Он подошел ко мне со строгим и вместе отеческим лицом, фамильярно, но деликатно взял меня за локоть и проговорил с восхитительно грубоватой лаской: «Ваш темперамент, сэр, сегодня требует рюмки “Мадеры” и очень сухого “Пуи”... Можете послать меня на виселицу, но я не дам вам ни капли красного. Устрицы, немного вареного тюрбо, крылышко цыпленка и несколько стебельков спаржи... Вот что вам нужно. Судака *à la Colbert* сегодня нет. Собственно — есть, но не для вас». — И, подталкивая меня легонько к одному из углов залы, шепнул мне на ухо: «Сегодня, сэр, смею думать, вы останетесь довольны старым Джо и без судака *à la Colbert*...»

Я очутился перед столиком, за которым сидели три человека. Я только что собирался вопросительно поглядеть на Джо Клифтона, все еще державшего мой локоть, как вдруг узнал в одном из сидевших Мэттью Роллинга.

Мэттью Роллинг!.. Это тот человек, имя которого в дни последней войны не сходило с уст в течение многих месяцев!.. Это тот человек, чей танковый дивизион совершил героический поход через пустыню Ливии, чтобы зайти в тыл отступающему от Эль-Аламейна противнику!.. Мэттью Роллинг, тот, кто первым вступил на берег Нормандии в дни высадки и первым перешел через Рейн!.. Человек, с кем меня связывала крепчайшая дружба, освященная грохотом боев и испытаниями походов, в те суровые, но прекрасные дни войны, когда он был офицером Королевских технических войск, а я — военным корреспондентом. Со дня окончания войны он бесследно исчез, и теперь был именно тем человеком, который мне был нужнее всего, со своим спокойствием, уверенностью, ясностью мысли и юмором. И вот я встретил его здесь, в том самом «Карльтоне», где мы проводили столько славных часов еще до войны и во время войны, когда огни люстр были затемнены синими колпаками и снаружи так часто доносились прерывающие мирные беседы завывания сирен, возвещавших о приближении к городу армад неприятельских Юнкерсов и Гейнкелей...

Сначала мы оба остолбенели, затем обнялись и расцеловались. И хотя с тех пор прошло уже несколько лет — все это мгновенно ожило в моей памяти.

— Милостивый Боже! Дик!.. Где ты скитался все это время?

— Только что собирался спросить тебя о том же, Мэттью?

— Меня лучше спросить, где я не скитался! Был в Бирме, Натале, затем в Америке, а потом... потом в доброй старой Англии, где неоднократно делал отчаянные попытки разыскать тебя, писал тебе письма, телефонировал...

— Я тоже путешествовал, а теперь только что возвратился с Атомной конференции, — сказал я, вспомнив, что по возвращении так и не удосужился просмотреть гору накопившейся корреспонденции.

— Атомной конференции?!.. — тихо повторил Мэттью. — Вот как...

— Но что ты делал во всех этих Бирмах, Наталях и Америках...

— О, ты хочешь знать слишком много, — рассмеялся Роллинг, — удовлетворишься пока тем, что я представлю тебе мисс Патрицию Стаффорд.

Здесь только я заметил, что за столом были еще девушка и мужчина. Мужчина, при моем приближении, поднялся и выжидательно стоял, теребя салфетку. Он был высокого роста, с гладко зачесанными назад волосами, носил крупные очки, имел высокий лоб и казался джентльменом, если не считать не вполне удачно подобранных тонов его галстука и платка, выглядывающего из карманчика его темного костюма.

Мисс Патриция Стаффорд... Патриция Стаффорд была тем типом женщины, которые могут сниться... Она была величественна, как королева, и очаровательно проста... Грациозна, как белая лилия, и великолепно, как самая изысканная орхидея. У нее были головка голливудской кинозвезды и волосы цвета золота. Ее руки — были руками идеальной формы, ее темно-голубое платье с отделкой из палевых старинных кружев — было совершенством...

Мне приходят в голову самые банальные сравнения, и я не боюсь их. Патрицию Стаффорд нельзя сравнивать ни с чем и ни с кем. Такая — может быть только одна!.. Единственная!.. Несравненная!..

Я боюсь, что в течение завтрака я был очень неинтересным собеседником. Единственным утешением в этом смысле, для меня был тот факт, что мистер Джон Вилкинс не был вообще никаким собеседником... Он умел только молчать, сосредоточенно глядеть на какой-нибудь предмет и, управляя со столовыми приборами, отставлять мизинец на полдьюма более чем следует. И все же я увидел, что мисс Патриция Стаффорд глядит на него влюбленными глазами... Может быть, мне следовало молчать еще более, чем я молчал!

Мэттью занимал разговорами всех, мисс Стаффорд оживленно болтала, я же вставлял по временам реплики, очевидно, самого плоского свойства.

По окончании завтрака мы вышли. Меня пригласили в автомобиль, ибо свой я отослал, рассчитывая после завтрака посетить мой клуб, находившийся рядом.

— Мне хочется пройти пешком, — сказал я.

— Отлично, я пройду с тобой, — отозвался Мэттью. И когда автомобиль, увозивший мисс Стаффорд с ее спутником, скрылся за поворотом, мы медленно двинулись среди спешащей по своим конторам, после завтрака, толпы клерков и конторщиц. Мэттью, со свойственной ему прямоотой, начал разговор.

— Кажется, Патриция произвела на тебя сильное впечатление?

— Надо быть круглым дураком, чтобы отрицать это! Но надо быть дураком не менее круглым, чтобы придавать этому значение... Мисс Стаффорд слишком мало трудится, чтобы скрыть свой восторг перед этим молчаливым оболтусом.

— Ого!.. Если ты ругаешься и злишься — то дело успело зайти далеко. Впрочем, ты неправ. Он далеко не оболтус.

— Да, но его галстух и...

— Помилуй Бог! Я ожидал от тебя большей справедливости. Гастух галстухом, и этот малый несомненно парвеню и мовежанр, но он имеет голову на плечах, и это-то, кажется, и пленяет нашу очаровательную Пат... Теперь, знаешь ли, мода на всяких умников... Не правда ли?

— Кто она такая? Под каким небом родилось и выросло это воистину чудесное явление природы? — поинтересовался я.

Мэттью даже приостановился:

— Ты отлично знаешь ее дядюшку. Выросло же это «явление природы» под небом Австралии, ныне явилось сюда и, мирно проживая под кровом своего дяди, успело свети с ума половину Лондона.

— Я знаю ее дядюшку? — удивленно проскандировал я.
— Что ты мелешь?

— Вообрази! И даже имеешь причины недолюбливать его. Помнится, он досаждал тебе колами..

— Ничего не понимаю...

— Колами по астрономии и космографии. Ты ведь не дружил с точными науками.

Тогда мне стало ясно все. Я припомнил классную комнату колледжа, все эти дурацкие фазы, параллаксы и протуберанцы и профессора Стаффорда, любившего нам повторять:

— Если бы на свете не существовало негодяев, думающих о футболе, когда нужно думать о спутниках Юпитера, и на образование которых нужно тратить столько драгоценного времени — в мире было бы сделано вдвое больше научных открытий, которые могли бы облагодетельствовать человечество.

Я был так поражен этим, что из дальнейшего нашего разговора ясно запомнил только, что Патриция — невеста. И невеста этого самого оболтуса Вилкинса, который, вообще говоря, большой умник, ученый, и который покори ее сердце именно этими своими качествами...

Я, очевидно, родился в курьерском поезде. Я постоянно всюду опаздываю. Узнав о моем нервном состоянии, Мэттью сказал:

— Тебе следует отдохнуть от людей. Езжай на северные острова. Лучшего места для лечения нервов не сыскать. Мне приходилось бывать на островах Энст и Фетлер. Езжай, не раскаешься!

Когда я предложил ему поехать вместе — он отказался, сославшись на то, что очень занят. На мой вопрос: чем? — он ответил уклончиво:

— Так... Работой. Больше по технической части.

Он пообещал навестить меня перед моим отъездом.

Что же?! Я поеду. Поеду. Но Бог мой! Как трудно решиться ехать теперь на Шетландские о-ва, когда я знаю, что существует Патриция Стаффорд и что она живет в Лондоне!.. Но я знаю, что она невеста другого и поэтому я поеду. Я должен лечить нервы.

Лондон, 10-го августа 195 ... года.

Я всегда недолюбливал всех этих, носящих очки, мозгляков из всяческих исследовательских институтов и прочих научных учреждений, предпочитающих формулы спинорного анализа — дружеской пирушке, расчеты и вычисления — партии в гольф и лучше умеющих обращаться с микроскопом, чем с теннисной ракеткой. И недолюбливал не зря. Я чувствую, что один из этих мозгляков, Вилкинс, стал мне поперек дороги. Предчувствия меня не обманули. Будь прокляты все умники и мозгляки!..

Лондон, 12-го августа 195 ... года.

Только что был у меня этот молодчина Мэттью Роллинг. Ну, конечно же! Как раньше это не пришло в мою нелепую голову? Какой он чудак, при всем его уме и проницательности... Он, произнося свою фразу, которой рассчитывал повлиять на меня в одном направлении, и не подозревал, что повлияет в совершенно другом... Милый, наивный Мэттью!

— Ты коптишься до сих пор здесь, — удивленно приподнял он брови.

— Да, еще некоторые дела, — натянуто-равнодушно ответил я.

— Я чувствую, что ты решил замаливать грехи молодости и вместо того, чтобы ехать отдыхать — намереваешься заняться изучением астрономии и космографии.

— Решительно не вижу причин, почему бы ты мог так чувствовать...

— Ну, тем лучше, — примирительно заметил Мэттью, протягивая ноги к топящемуся, несмотря на август, камину и закуривая. — То-то, поезжай, куда я тебе советовал. К слову, я тоже завтра уезжаю.

— На сей раз, я думаю, в Гренландию?!..

— Почти, — усмехнулся он. — Во всяком случае, мы едем тоже на север.

— Кто это — «мы»?

— Я и Вилкинс.

— Вы так дружны?

— Отнюдь нет. Но мы вместе работаем. Он чрезвычайно дельный помощник.

— Ага!.. по «технической части»? — сыронизировал я.

Он, по обыкновению, загадочно улыбнулся, и более к этому предмету мы не возвращались. Конечно же, я должен нанести визит старому профессору Стаффорду. Сама вежливость этого требует... А если профессор на этот счет придерживается другого мнения, то это меня не касается, черт возьми!

Лондон, 15-го августа 195 ... года.

Профессора дома не оказалось. Холостой выстрел.

Лондон, 16-го августа 195 ... года.

Профессора дома не было.

Лондон, 17-го августа 195 ... года.

Я меняю время своих визитов, но поймать старика дома не могу.

Лондон, 18-го августа 195 ... года.

Сегодня профессорский слуга, удивленный моей настойчивостью, снизошел до разговора со мной, из которого я узнал, что профессор уже неделю дома вовсе не бывает и проводит все время в обсерватории.

Лондон, 19-го августа 195 ... года.

Сегодняшний день может быть днем более чем историческим... Фу, как дрожит моя рука!.. Нужно успокоиться. В конце концов, это совсем не так уж страшно и я, всегда гордившийся своим философским отношением к земному бытию, должен и теперь оказаться на высоте... Наплевать. Но переварить такую пилюлю — все-таки трудно. Однако, по порядку. Я приехал в обсерваторию вечером. Сперва меня вовсе не хотели впускать, затем повели по бесконечным коридорам и переходам. После добрых четверти часа странствий, мы с моим проводником отыскивали профессора. Он сидел в кресле за большим столом, мягко освещенным светом настольной лампы, и что-то писал. В комнате находились еще несколько профессорского вида типов, которые тоже что-то писали, бормоча себе под нос.

Стаффорд удивленно уставился на меня. Он мало изменился за эти годы... Но не в этом дело. Зачем я пишу все это, когда может быть и я, и эта тетрадка, и чернильница, и все что меня окружает — через несколько недель или месяцев исчезнет вовсе с лица Земли?! И не Земли, а сама Земля исчезнет с лица Космоса... Я не могу привыкнуть мыслить этими категориями... Профессор меня не узнал, конечно, но удивительно быстро почувствовал ко мне дове-

рие. Я подозреваю, что был только клапаном, через который ему нужно было выпустить тот пар, который скопился в нем за время его заточения в обсерватории. А пара накопилось много!.. Мы поговорили о колледже, о единицах по космографии, о судьбе бывших учеников и я, собираясь уже откланяться, только намеревался открыть рот, чтобы перевести затянувшуюся беседу на тему, собственно приведшую меня к нему, как он вдруг спросил:

— А вы, э-а... молодой человек, чем собственно вы, э-э ... занимаетесь?

Я сообщил, что я журналист. Стаффорд фыркнул, но, внезапно озаренный идеей, вдруг схватил меня за руку.

— Слушайте, э-э ... вам это нужно знать. Только дайте мне слово, э-э... поклянитесь, что до моего разрешения вы ничего не напишете в газете и никому не скажете ни слова из того, что узнаете.

Я дал требуемое слово. После этого он переговорил со своими коллегами, употребляя термины и выражения, которых я под страхом смерти не мог бы теперь припомнить и повторить, и повел меня в главный зал обсерватории, накрытый колоссальным куполом с радиальным прорезом, в который, словно огромное смертоносное орудие, глядел своим метровым жерлом чудовищный рефрактор. Рядом находились еще несколько приборов поменьше. Тишину нарушало только методичное тиканье многих часовых механизмов. Было совершенно темно. Слабые лампочки, освещающие пульта, были затемнены.

В прорез купола на меня глядело северное светлое небо, усеянное белесыми звездами. Это глядело пространство Космоса и время Вечности на маленькие пылинки на поверхности пылинки чуть большей — планеты Земля. Сидевший на высоком помосте среди сложных механизмов человек, глядевший до нашего прихода в окуляр рефрактора, что-то сказал Стаффорду, пуская его на свое место. Тот долго кряхтел, усаживаясь, потом крутил бесчисленные винтики и колесики; было слышно приглушенное гуденье электромоторов и я замечал, что огромное туловище рефрактора иногда слабо шевелится.

Наконец, Стаффорд подозвал меня и, усадив в креслице рядом с собой, сказал, показывая на маленький окуляр:

— Смотрите!

Я припал глазом к стеклу и первое время не мог видеть ничего среди мерцающего жемчужного тумана, который, казалось, слабо пульсировал. Но затем глаза обвыкли и я увидел более яркую, чем все огромное поле зрения — точку, скорее овал, ибо точка эта была слегка вытянута.

— Вижу, — сказал я. — Что это за звезда, профессор? ..

— Звезда?.. Хм... Вы видите не звезду, молодой человек, а вновь открытую, и открытую мною, э-э... гигантскую комету.

— Она принадлежит к нашей солнечной системе, профессор? — деловито осведомился я.

Мне показалось, что Стаффорд усмехнулся в темноте.

— Она не принадлежит к солнечной системе, э-э... Я подозреваю, что она не принадлежит даже к нашей Галактике и явилась из другого звездного скопления; до такой степени ее данные, которые я уже давно изучаю, разнятся от того, с чем мы, э-э... привыкли иметь дело в современной астрономии.

Я продолжал глядеть, в то время как Стаффорд говорил ровным голосом:

— Ее размер по диаметру равен, приблизительно, половине солнечного и в 5 раз более Юпитера. Вы, конечно, не знаете, что диаметр Юпитера более чем в 12 раз превышает диаметр нашей Земли, который равен 7918 милям. Скорость движения ее колоссальна, но что самое замечательное, э-э... это то, что масса ее совершенно не соответствует ее размеру, принимая во внимание удельный вес известных нам элементов. Если масса Земли выражается округленной цифрой 66 с 20 нулями тонн, то массу этой кометы можно выразить, примерно, той же цифрой с 26 нулями. А это значит, э-э... во-первых, что она в 1 миллион раз больше массы Земли, а во-вторых, что она состоит из вещества или веществ с удельным весом, во много раз превышающим вес такого тяжелого вещества, как скажем, э-

э... ртуть. Что это за вещество — мы не можем даже догадываться. Спектральный анализ показывает...

— Это очень интересно, — пробормотал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

— Я назвал эту новооткрытую мною комету — «Патрицией», по имени моей...

— Скажите, профессор, — встрепенулся я, — мисс Патриция Стаффорд — ваша...

— Мистрис Патриция Вилкинс, вы хотите сказать?.. Да, она моя э-э... племянница и всего несколько дней тому я получил известие, что она обвенчалась в церкви Св. Екатерины, в Глэзгоу, с весьма достойным э-э... молодым ученым, имеющим блестящие перспективы в своей научной деятельности.

Мне оставалось только скрипнуть зубами и впиться глазами в блестящую точку, мерцающую где-то в глубинах Вселенной, которая носила имя, ставшее за несколько дней самым дорогим для меня именем, и призвать мысленно все возможные проклятия на голову Вилкинса, на свою неудачливую судьбу и на нашу планету, где совершаются подобные несправедливости...

В тот момент далек я был от подозрения, что мои проклятия имеют такую действенную силу. Не успел я докончить их, как Стаффорд торжественно объявил:

— Но самое интересное, э-э... молодой человек, заключается в том, что пути нашей Земли и мчащейся «Патриции» неизбежно скрестятся в одной точке.

Для меня остается совершенно непонятным — почему я сразу же уразумел смысл этих слов...

— Что?! — вскричал я, повернувшись с такой стремительностью, что закачалось все сооружение, на котором мы сидели. — Что вы говорите?! Но почему же мы сидим здесь и болтаем о всякой чепухе, когда нужно объявить, предупредить, принять меры... Мы должны немедленно разыскать Патрицию и сделать все возможное, чтобы приготовиться встретить опасность...

Стаффорд не заметил, к счастью, того, что в возбуждении я назвал мисс Патрицию Стаффорд, то бишь Вилкинс

— тем уменьшительным именем, которым называл ее уже давно в своих отчаянно-смелых мечтах. Он поглядел на меня, как смотрят на сумасшедших:

— Теперь я узнаю вас, э-э ... молодой человек!.. Сперва не помнил, а теперь помню... У вас всегда была слабая голова; вы никогда не могли решить ни одной задачи по космографии.

— К черту космографию, профессор! Вы уверены, что в ваших вычислениях нет ошибки? И что нет никакого выхода и спасенья, что нельзя ничего предпринять?

Стаффорд пожал печами:

— Что может предпринять гусеница, лежащая на рельсе, против колес надвигающегося паровоза...

— Сползти с рельсы, — быстро ответил я.

— Но мы не можем, э-э... сместить орбиту Земли, не правда ли?..

— Когда же это случится, наконец? — прохрипел я, чувствуя, что лоб мой покрывается холодным потом.

— Точно я, э-э... затрудняюсь ответить... Э-э... не могу. Угловую скорость в таких условиях определить очень трудно. Во всяком случае, нам с вами остается прожить от 1800 до 1900 часов... Это достаточно; за это время я успею определить...

Мне нестерпимо захотелось высказаться в свою очередь на тему о слабости головы, но я удержался и спросил только:

— Это около двух с половиной месяцев; почему вы не разрешаете мне опубликовать ваше открытие, чтобы мир мог приготовиться к ожидающей его участи?

— Это э-э... лишнее... У людей слабые головы. Чем позже они узнают об этом — тем меньше натворят безобразий. Кроме того, есть еще один маленький шанс...

— Ага!.. — сказал я. — Значит, ваши расчеты не непогрешимы!..

— Мои расчеты, э-э... молодой человек, абсолютно непогрешимы... Но есть одна тысячная шанса за то, что Юпитер, этот «Ловец комет», как его называют, сможет немного отклонить полет «Патриции». Он будет проходить вбли-

зи в тот момент, когда «Патриция» будет пересекать его орбиту. Весь вопрос упирается в недостаточно определенную угловую скорость «Патриции»... Если она окажется не выше определенного мною предела — Юпитер собьет ее с пути. Но на это, э-э... нет почти надежды. Я уверен, что скорость окажется слишком большой и парализует влияние Юпитера. Кроме того, даже в этом, лучшем случае — уцелеет Земля, как планета, ибо непосредственное столкновение не произойдет, но все живое на ней погибнет, вне всякого сомнения, в чрезвычайно высокой температуре, которая разовьется ...

— Но от этого все-таки можно рассчитывать спастись под землей, под водой... Вы не смеете ни на секунду задерживать опубликование...

— Молодой человек, э-э... вода всех земных океанов обратится в пар в какую-то долю секунды. В следующую долю секунды весь покров земной атмосферы, содержащий, как вам, вероятно, неизвестно, необходимый для жизни кислород — исчезнет, как сорванное ветром покрывало.

— Итак, спасенья нет?

— Абсолютно никакого.

— Последний вопрос, профессор: почему до сих пор никто из астрономов не заметил еще вашей кометы? Не вы же один...

— Я нашел ее случайно, исследуя туманности в созвездии Орион. Кроме того, инструментами такой мощности не располагает ни одна обсерватория в мире. — Он погладил любовно туловище рефрактора. — Но вне всякого сомнения, уже на днях ее заметят.

Вот все то, что я узнал в результате своего визита в обсерваторию. Я искал Патрицию... И я нашел «Патрицию»! О, моя единственная и несбыточная мечта! О, Пат, Пат!..

Лондон, 20 августа 195 ... года.

Я спокоен. Если Пат недостижима для меня, я не жалею об этом мире. Олуху Вилкинсу — недолго придется

пользоваться своей победой. Но, Боже!.. А Пат?! Пат вспыхнет, Пат разлетится в космическую пыль!.. Это слишком ужасно. Бедный, бедный грешный мир!..

Я уезжаю завтра на остров Энст. Оставшиеся два с лишним месяца я хочу быть один, наслаждаясь тайной, которой владею, и смеясь над бедными глупыми людьми, занимающимися своими мелкими земными делишками...

А природа так спокойна! Полная луна молчаливо глядит с холодной высоты на свою обреченную владычицу — Землю... Ничто не напоминает о неизбежном конце... О, бедный, бедный подлунный мир!..

Глава III

МИСТЕР КОНВЭЙ ТЕРЯЕТ ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Сэм имел все основания гордиться своим радиоаппаратом. Это был чудесный, последней модели супер, который мог греметь, как Иерихонская труба. Сэм установил его в большой зале «Львиной Гривы» и услаждал громopodobными звуками своих посетителей. Владелец его не признавал регулировки громкости и супер всегда работал на полную мощность.

Ровно в 7 часов по утрам звуки его будили всех немногочисленных постояльцев.

Мистер Ричард Конвэй сначала подумал было направить ноту протеста хозяину «Львиной Гривы», но после передумал и, будучи разбуженным, не без интереса выслушивал перечень новостей из всего мира, передаваемый Лондоном.

В это утро супер загреметь по обыкновению. Конвэй открыл глаза и поглядел в окно. Над островом Энст повис густой, непроницаемый «фог». Утро было мрачное и неприветливое; начиналась осенняя непогода. Поеживаясь под одея-

лом, мистер Конвэй выслушал все сообщения о беспорядках в Индии, о забастовке углекопов в С. А. С. Ш., о дипломатической ноте Югославии к Греции и об урожае фруктов в Гватемале. В самом конце, после известия о крушении поезда Париж-Ницца у Дижона, супер прогрохотал: «С горной обсерватории “Моунт-Брэк” в Калифорнии сообщают, что профессор Менцель открыл новую комету в расположении созвездия Орион».

Конвэй быстро сбросил с себя одеяло и сел на кровати, свесив ноги.

Ведь это все-таки не сон!.. «Патриция» уже попалась на глаза калифорнийскому профессору... Она мчится, приближаясь к роковой точке с каждой секундой! Но пока этого никто еще не знает, кроме проф. Стаффорда, его ближайших помощников и его, Ричарда Конвэя...

Мистер Конвэй тряхнул головой, как бы прогоняя неприятное виденье, и громко произнес: «Какая нелепость».

За дни пребывания на уединенном и пустынном острове Энст он успел немного успокоиться, но теперь вся непостижимая картина вырисовывалась в особенно ярких красках. Он быстро оделся и, захватив с собой палку, вышел, не выпив даже кофе, заботливо приготовленного добрейшей Салли. Он чувствовал потребность успокоиться и вновь привести в порядок свои мысли, а лучшим средством для этого — было побродить по побережью.

Сколько времени он бродил так — он не мог бы сказать. Море глухо роптало. Поднявшийся ветер разогнал туман и открыл унылую перспективу безлюдных дюн, кое-где поросших полянами сохнущего вереска. Начиная чувствовать утомление и решив возвращаться к дому, от которого он зашел уже далеко, Конвэй вышел на дорогу из Норвича в Сэкс-Ярд, проходящую по самому побережью. У поворота он увидел стоявший небольшой спортивный автомобиль, у раскрытого мотора которого возилась какая-то фигура. Подойдя ближе, мистер Конвэй участливо спросил:

— Застряли? Не могу ли я чем-нибудь помочь?

Человек выпрямился и обернулся. Глянув ему в лицо, мистер Конвэй почувствовал, что песчаный грунт, на кото-

ром он стоял, покачнулся, словно превратившись в зыбучий песок, заколебался и уходит у него из-под ног...

Перед ним стояла, одетая в брюки и серую спортивную куртку, Патриция Стаффорд. Руки ее были перепачканы машинным маслом, жирные пятна которого блестели и на ее лице. Из-под меховой шоферской шапочки беспорядочно выбились волосы цвета золота; вся ее фигура и выражение лица говорили о том, что она собирается расплакаться.

— Этот гнусный мотор!.. Он не дает вспышки ...

— Вы, вероятно, не помните меня, — сделал над собой героическое усилие, выговорил мистер Конвэй. — Вы — Патриция Стаффорд, и мы уже встречались.

— О, это возможно, у меня была такая масса знакомых, — улыбнулась Патриция, и мистеру Конвэй показалось, что солнце осветило весь мир, несмотря на уничтожающий смысл ее слов. Ему захотелось опуститься здесь же на колени и молиться на эту девушку, ему захотелось схватить ее грязные руки и, спрятав в них свое лицо, рассказать ей о тех долгих, глухих, ночных часах, когда он называл ее коротко и нежно «Пат», рассказать о том, что перед всеобщим концом судьба послала ему вымоленное им счастье хотя бы увидеть ее... Но Конвэй не сделал и не сказал ничего подобного. Вместо этого он скинул перчатки и залез в мотор, который, видимо, почувствовав, что теперь валять дурака не удастся — чихнул и ровно и четко застучал. Если бы Патриция могла подозревать, что делается в сердце мистера Конвэй, она, конечно, ни за что не склонилась бы так низко над побежденным мотором, что ее волосы касались лица Конвэя... Он побледнел, выпрямился и закусил губу.

— Право, не знаю, как благодарить вас, — сказала она, протягивая ему руку, — теперь я поспею еще к обеду домой. Но вы идете пешком! Может быть, я смогу довести вас.

— Мне недалеко, — пролепетал Конвэй, — я здесь живу, в Сэкс-Ярде.

— И это вы называете недалеко! До Сэкс-Ярда добрых 5 миль. Садитесь.

Конвэй послушно уселся, и автомобиль, сорвавшись с места, принялся заглатывать ленту дороги.

— Однако, мы близкие соседи, — проворковала Патриция, — мы живем в Норвиче... Но вы говорили, что мы встречались ... Давно ли и где?

— Это было еще тогда, когда вы были мисс Стаффорд, а не мистрис Вилкинс.. Помните Мэттью Роллинга и завтрак в «Карльтоне»?

Патриция резко затормозила. Мистер Конвэй кинул носом...

— Но это значит, что вы мистер Ричард Конвэй!.. Боже! Мэттью проговорил мне все уши рассказами о ваших несравненных качествах и достоинствах, начиная от львиной храбрости и кончая змеиной мудростью... Только вчера он рассказывал о том, как вы бежали из плена...

— Вчера? Вы разговаривали вчера с Мэттью Роллингом? Где?

— Где? Ну, конечно же, в Норвиче, у нас в лаборатории. Я надеюсь, вы посетите нас; Мэттью и... Джон тоже будут смертельно рады вам.

— Не думаю, чтобы я решился сделать этот визит, — покачал головой Конвэй. — Во-первых, вы не упомянули о себе, а во-вторых, Мэттью должен был знать, что я поблизости, но он не заблагорассудил пригласить меня.

— Мэттью говорил, что вы должны на днях приехать к нам в лабораторию.

— Ах, вот как, — оживился Конвэй, — но ради Бога, что это за лаборатория, о которой вы постоянно упоминаете?

— Это частная лаборатория Мэттью и, кажется, очень хорошая. Я что-то слышала об этом. Мэттью разлагает там атомы или еще какие-то мелочи, — засмеялась она. — Он пригласил моего мужа в помощники, поэтому мы живем все вместе. И живем отшельниками... Однако, вот и Сэкс-Ярд. Итак, мы ждем вас, идет?!

— Мисс Стаффорд... Хм!.. Мистрис Вилкинс, я хотел сказать: — за последние дни Мэттью Роллинг не упоминал имени вашего дяди? ..

— Дяди?! Нет, не упоминал.

— Видите ли ... Я хотел бы вам сказать...

— Скажите.

— Но я не могу, я дал слово...
— Тогда не говорите.
— Простите, я, кажется, говорю чепуху. Если позволите, я буду у вас...

Патриция дружески и по-мужски сильно встряхнула его руку и улыбнулась, как она одна умела улыбаться во всем мире... Включив скорость, она дала газ, и ее автомобиль скоро исчез из виду.

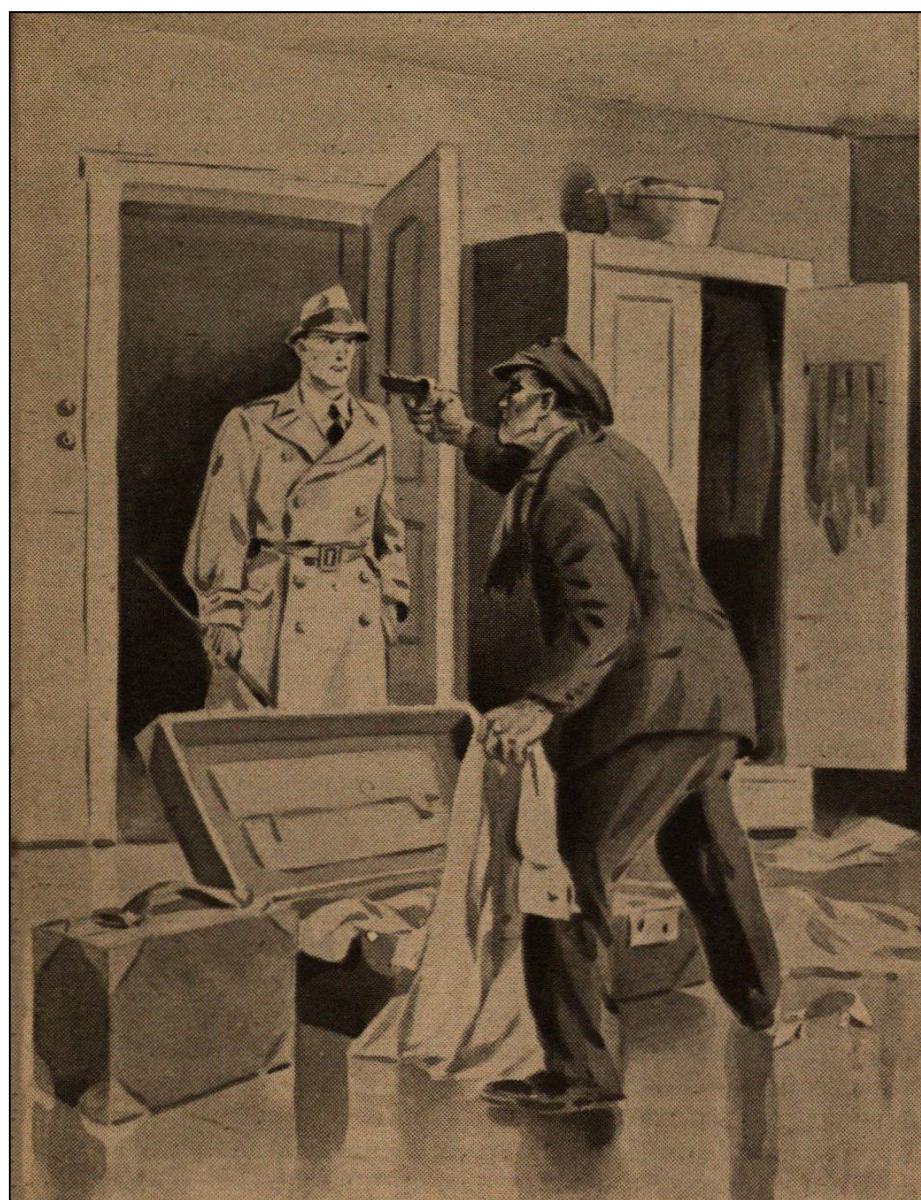
Мистер Ричард Конвэй долго глядел ему вслед.

Глава IV

РАЗГОВОР С ПИСТОЛЕТАМИ В РУКАХ

В этот день судьбе не было угодно дать успокоиться нервам мистера Ричарда Конвэя. Не успели они прийти в спокойное состояние после сообщения из Калифорнийской обсерватории, как явилась Патриция Стаффорд. Он не мог заставить себя думать о ней, как о Патриции Вилкинс... Она, как комета, носящая ее имя, ворвалась в его жизнь, испепеляя его призрачное спокойствие и заставляя нервы вибрировать натянутыми струнами. Когда он дошел до «Львиной гривы», осенний короткий день сменился сумерками, под покровом которых он и вошел в дом. В большом зале уже горели лампы и оттуда доносились голоса Сэма и Салли, о чем-то пререкающихся друг с другом.

Конвэй, уйдя в свои мысли и ничего не замечая вокруг, быстро поднялся к себе на первый этаж, распахнул двери и... очутился перед дулом направленного на него пистолета. Застигнутый на месте преступления мошенник, копавшийся в его раскрытых чемоданах, стоящих на полу посреди комнаты, успел только подскочить и выхватить пистолет. Дико поводя глазами, он зашипел:

— Руки вверх!.. Один звук, и он будет последним в вашей жизни!..

Мэттью Роллинг не фантазировал, рассказывая Патриции о львиной храбрости Конвэя. Пожалуй, и в обычное время он не слишком бы испугался пистолета, подпрыгивающего в руке мелкого воришки. Теперь же, когда в его жизнь таким трагическим образом вторглись две Патриции — угрожающее черное отверстие пистолетного дула не произвело на него решительно никакого впечатления. И не подумав поднимать вверх руки, он прикрыл за собой дверь, после чего, не спуская глаз с вора, спокойно опустил руку в карман. Пораженный таким поведением хозяина обследуемых им чемоданов, мошенник, не имея силы оторвать свой взгляд, видел, как рука Конвэя снова появилась из кармана, и опомнился только тогда, когда заметил в этой руке пистолет.

— Ну вот, — спокойно сказал мистер Конвэй, — теперь шансы равны... Можно и потолковать. Что, собственно, интересует вас из содержимого моих чемоданов?

Его собеседник поежился и ответил вопросом на вопрос:

— Что у вас, двойная шкура, что ли, что вы не боитесь, что я ее продырявлю?

— Шкура, как вы выражаетесь, у меня не двойная, а не боюсь я за ее целость только потому, что ведь и у вас нет двух голов... По всему видно, что вы благоразумный человек и понимаете, что за сломанные замки моих чемоданов вы проживете на казенном довольствии месяцев 6-7, а за мою продырявленную шкуру — сведете знакомство с палачом в Тоуэре.

— Ну, вы особенно не рассуждайте!.. Дайте мне спокойно уйти, слышите!..

Противников разделял теперь стол. Конвэй заметил, что бродяга стоит слишком близко от него и тотчас же разработал стратегический план. Привести его в исполнение было делом полусекунды... Сильным ударом ноги он толкнул стол, который в свою очередь толкнул бродягу, который от неожиданности выпустил с прицела своего противника. В тот же момент Конвэй бросился на него... Удар по руке за-

ставил бродягу выронить пистолет и следом же почувствовать, что его схватили за шиворот.

— Ну вот, видите, как просто.. — начал было Конвэй, но бродяге, видно, было не впервой сталкиваться с этим приемом: он ловко передернул плечами, рванулся и, оставив удивленному Конвэю свою куртку в виде трофея, с исключительной прыткостью выпрыгнул в окно...

Мистер Конвэй не был лишен чувства юмора, что и доказал, громко рассмеявшись проделке ловкого жулика... Окно было высоко, но не настолько, чтобы подозревать, что тот расшибется, а поэтому Конвэй даже не выглянул в него, а занялся осмотром своего трофея. В одном из карманов он нашел бумажник, который, кроме незначительной суммы денег и каких-то счетов, содержал два заинтересовавших его письма... Одно было на имя Филиппа Форка, адресованное на Бельмонт — «до востребования».

Читая его, мистер Конвэй несколько раз покачал головой, и лицо его приняло озабоченное выражение. Оно гласило: «Птица неизвестной породы свила гнездо в гриве льва. Определите породу и предупредите орнитолога».

— Так-так, — пробормотал мистер Конвэй, — я оказался набитым дураком, дав уйти этому молодцу и приняв его за мелкого жулика. Дело сложнее, чем я думал. «Птица» — это несомненно — я; и я кому-то мешаю... Но кому и в чем?.. Посмотрим, однако, дальше.

Только взглянув на второй запечатанный конверт, мистер Конвэй протяжно свистнул... На нем стояло: «Мистеру Джону Вилкинсу, есквайру, — в собственные руки». Очень осторожно Конвэй распечатал его. Внутри содержался маленький листочек, который оказался вырванным из календаря за 30 сентября текущего года. Ввиду того, что была только вторая половина сентября — листок за 30 был явным указанием, что в этот день должно что-то произойти... Но опять таки, что? И где?

— Об этом должен знать господин ученый, у которого такие удивительные почтальоны... — пробурчал мистер Конвэй, — и черт меня возьми, если не узнаю этого и я.

Итак, муж Пат, ученый, помощник Мэттью Роллинга, имел что-то общее со всей этой грязной историей!.. Было от чего голове пойти кругом.

— Любопытно, очень любопытно, — повторял про себя мистер Ричард Конвэй, меряя шагами вдоль и поперек свою комнату и прислушиваясь к голосам посетителей, начавших сходиться в большой зале «Львиной гривы».

Глава V

МИСТЕР КОНВЭЙ ВЫСЛУШИВАЕТ ЛЕКЦИЮ ПО АТОМНОЙ ФИЗИКЕ

Мистер Конвэй плохо проспал ночь. Когда супер Сэма загрохотал утром, он уже лежал с открытыми глазами. Слушая новости, он подсознательно ожидал неприятностей: вот-вот скажут о выясненной угрозе со стороны вновь открытой кометы. Однако, ничего подобного не произошло. Мир пребывал в состоянии блаженного неведения и интересовался новой полярной экспедицией адмирала Бэрда, штормом на Карибском море и новым пятилетним планом, вводимым в Советской России.

Мистер Конвэй никогда не был смел с прекрасным полом; не произошли вчера встречи с таинственным бродягой, имевшим подозрительные письма, он, вероятно, отложил бы свой визит в Норвич на неопределенное время и дождался бы нового приглашения. Но письма жгли ему карман, а воспоминание о раскрасневшемся, покрытом жирными пятнами лице Пат, встреченной вчера — жгло его воображение, и он, позавтракав на скорую руку, вывел свой «Плимут» из гаража, включил третью скорость и не снимал ноги с педали газа до тех пор, пока, вылетев на вершину большого холма, не увидел перед собой панораму раскинувшегося в котловине Норвича. Тогда, остановив свой «Плимут» на опушке густых зарослей сосняка, которым был покрыт

холм, мистер Конвэй вышел из автомобиля, уселся на подножке и, закулив трубку, принялся рассуждать вслух:

— Норвич — это только поганый рыбацкий поселок, и если Мэттью Роллинг забрался сюда, чтобы расщеплять атомы или еще какие-то мелочи, как говорила Пат, это значит, что либо он нашел здесь что-то важное для своих исследований, чего нет в другом месте, либо вообще хотел укрыться с ними подальше от любопытных взоров. — Покурив немного молча, он продолжал: — А если Норвич только рыбацкий поселок — то электрическая линия высокого напряжения, идущая, вероятно, от вновь построенной, для питания морской базы в Лервике, станции на водопаде Сэдж и подведенная к этому каменному дому, окруженному стеной и расположенному отдельно от строений поселка, и до которого рукой подать — может указывать, что лаборатория Роллинга находится именно в этом доме. Проверим...

У массивных железных ворот в каменной стене его встретил одноногий старик, выглядевший старым матросом, который наотрез отказался впустить его. Только предприняв энергичную диверсию, ему удалось добиться, чтобы старик вызвал кого-нибудь. Захлопнув окошечко, он удалился, и Конвэю пришлось прождать добрых 10 минут, пока ворота, наконец, распахнулись и он попал в объятия Мэттью Роллинга.

— Итак, ты приехал, старина, — сказал Роллинг, выпуская из объятий мистера Конвэя.

— Однако, не по твоему приглашению...

— Видит Бог, на днях я собирался отыскать тебя и привезти сюда, но Патриция сделала это прежде...

Дом, как успел заметить Конвэй, был разделен на две половины — жилую и рабочую. Рабочая, где помещались лаборатории, была вынесена в отдельную пристройку, накрытую застекленным металлическим каркасом, куда и были введены электрические провода высоковольтной линии. В выложенной белыми кафельными плитками галерее, соединяющей обе части, тонко пели мощные трансформаторы. Поднявшись в комнаты Роллинга, мистер Конвэй был приятно поражен, увидев, что обставлены они чрезвычай-

но комфортабельно и не носят следа ученого аскетизма, который он ожидал здесь встретить и заранее соболезновал Пат, которая, как он думал, вынуждена была проводить свою жизнь среди машин, книг, колб и реторт.

— Однако, ты устроился совсем недурно, — сказал он, с удовольствием откидываясь в покойную кожаную спинку кресла и протягивая ноги на пушистом ковре тунисского изделия. — Но почему здесь так пустынно? Мы не встретили ни единой живой души по дороге сюда.

— Мы живем совсем одиноко, — ответил Роллинг, придвигая Конвэю стакан и наполняя его, — нас здесь только четверо: Пат, Вилкинс, я и еще один лимфатический юноша — ассистент. Провизию нам доставляют из поселка. Слуг мы не держим, и Пат сама кормит нас.

— А где же, к слову сказать, остальные обитатели этого Эдема?

Роллинг усмехнулся и, опорожнив свой стакан, ответил:

— Что касается до Патриции, отсутствие которой тебя, я думаю, занимает более, чем отсутствие других обитателей, то я должен тебя огорчить... Сегодня ты едва ли увидишь ее. Ее глазки сегодня краснее обыкновенного... Даже медовый месяц не всегда же бывает сладким...

Мистер Конвэй нахмурился и, увидев это, Роллинг еще раз усмехнулся.

— Ее супруг дежурит в лаборатории, а ассистент высыпается после ночного дежурства.

— Я надеюсь повидать достойного мистера Вилкинса после его дежурства.

— Боже великий! Неужели дуэль? — откровенно рассмеялся Роллинг. — Право, не стоит; это удел всех супружеств.

— Поэтому, очевидно, ты и не женишься?

— Конечно. Я всегда придерживался взгляда Бисмарка, который говорил: «Учиться на своих ошибках слишком дорого. Я учусь на ошибках других»

Они сидели некоторое время молча. В тишине было слышно все тоже тонкое и неприятное пение трансформаторов, которым был наполнен каждый уголок в доме. Наконец, мистер Конвэй прервал молчание.

— Воля твоя, но теперь ты не отделаешься от меня ссылкой на работу «по технической части». Я хочу, наконец, знать, что ты делаешь в своей лаборатории? Тем более, что мне уже известно, что дело идет о проклятых атомах, одного имени которых уже достаточно, чтобы заставить мои нервы ходить ходуном. Атомная конференция не прошла даром...

— Хорошо, — становясь серьезным, ответил Роллинг. — Что тебе известно?

— Ничего решительно. Об атомах мне сказала мистрис Вилкинс.

— Язык мой — враг мой, — покачал головой Роллинг, — а вообще, что ты знаешь и понимаешь в атомной физике?

— Ровно столько, чтобы сказать — ничего...

— Отлично! Тогда тебе придется выслушать популярную лекцию, но помни, что все что ты услышишь о работах здесь и о самом факте существования моей лаборатории, — тебе придется накрепко забыть.

— Секрет?

— И очень важный. Сказать государственный — будет мало...

Мистер Конвэй подумал: не слишком ли многих тайн он становится хранителем, но ничего не ответил и, кивнув головой, приготовился слушать.

— Теперь, после войны, в которой впервые были применены атомные бомбы и было столько наговорено и написано — каждый мальчишка знает об атомной энергии больше, чем до войны знал высоко интеллигентный специалист. Однако, это знание чисто поверхностное. Нужно сказать, что атомная бомба, хотя и была изготовлена и применена, отнюдь не явилась полным решением вопроса освобождения внутриатомной энергии. Вот ты... — сделал паузу Роллинг, — ты был на Атомной конференции и точно помнишь, сколько на Бикини сдохло коз и сколько осталось в живых, но что ты знаешь об атоме, его строении и принципах его разрушения? Что такое атом?

— Так, мелочь, — щелкнул пальцами мистер Конвэй, но розовые пятна выступили на его щеках и глаза уперлись в собеседника.

— Мы знаем, что материя распадается. Причины нам неизвестны. При распадении разрушается ядро атома и выделяются огромные запасы энергии. Так, металл уран, распадаясь, все время выбрасывает из своих атомов, вернее, их ядер альфа, бета и гамма лучи. Альфа — это ядра атомов гелия, бета — электроны и гамма — частицы света. В процессе распада, уран превращается через ряд элементов менделеевской таблицы в свинец. Все это мы знаем...

— Постой, — прервал его Конвэй, — Расскажи-ка об атоме. По твоим же словам, я никогда не дружил с точными науками.

— То-то же, он для тебя и Пат и есть мелочь! А знаешь ли ты, что сам атом, эта мелочь, радиус которой равен одной стомиллионной доле сантиметра, представляет из себя микроскопическую солнечную систему с ядром-солнцем, заряженным положительным зарядом, и планетами-электронами — нематериальными частицами, несущими отрицательный заряд, которые вращаются по своим орбитам вокруг ядра, как планеты вокруг Солнца?

— И кометы... Тоже есть?.. — поперхнулся мистер Конвэй.

— Роль комет могут выполнять те ионы, которыми мы искусственно бомбардируем ядро атома. Когда такая комета попадает в цель, она разрушает ядро и выделяет энергию. Радиус ядра атома равен одной стобиллионной доле сантиметра, радиус электронов — одной стомиллиардной.

— Эдакий микроб, — подал голос мистер Конвэй, отхлебывая из стакана.

— Эдакий невежда! — отозвался лектор. — Микроб по сравнению с атомом — земной шар по сравнению с песчинкой. И все же мы измеряем атом, исчисляем скорость вращения его электронов, его вес, массу, величину электрического заряда. Мы подбираемся к его ядру; в нем весь секрет власти над материей. Будущее человечества зависит от того, сможем ли мы овладеть полностью ядром, этой час-

тичкой материальной энергии величиной в одну стобилионную сантиметра. Оно чудовищно прочно и представляет конгломерат из частиц водорода, вернее сказать, — протонов, связанных частицами электричества. Например: если в ядре 2 протона — это атом гелия, если их 92, — получается атом самого тяжелого металла — урана, и так далее.

Конвэй вспомнил лекцию профессора Стаффорда и покачал головой, покосившись на Роллинга. Но тот увлекся и продолжал:

— Вот тебе вкратце суть дела. Ты знаешь, что для produkcji атомных бомб был использован уран, металл с максимально большим количеством протонов в ядре и металл радиоактивный, т. е. наиболее легко поддающийся распаду при искусственной бомбардировке, которая проводится с помощью сложнейших электрических машин, так называемых циклотронов и атомных башен, развивающих чудовищной мощности магнитные поля и использующих напряжения порядка сотен миллионов вольт. И то, для разрушения его ядра и для сооружения атом-бомбы требуются усилия тысяч людей, огромные оборудованные заводы, миллиардные затраты. Ты интересовался, что я делал в Натале, Бирме и Америке? Я работал в этой области с лучшими специалистами, а теперь работаю сам.

Мэттью Роллинг поднялся и прошелся по комнате.

— Мы поработили демона электричества, и он служит нам, но демон атомной энергии еще на свободе. С нашими динамо и паровыми машинами, мы — пещерные люди, почти безоружными стоящие перед непостижимыми запасами атомной энергии. Добиться регулируемого распада ядер любого элемента, а не только дорогого и редкого урана, вот наша задача!.. Вообрази, мы берем этот стакан и ставим его в какой-то прибор-разрядитель, снабженный приемниками энергии. Стакан ведь тоже состоит из атомов, не правда ли? И вот я поворачиваю выключатель... То, что мы называем массой стакана, т. е. его энергия, уйдет, как молния в громоотвод, в приемники-конденсаторы. Сам же стакан мгновенно исчезнет. Вернее, он целиком превратится в гамма-лучи, невидимый радиоактивный свет, по-

добный лучам Рентгена. А его зарядом мы станем двигать машины, освещать города...

— И убивать себе подобных! — не выдержал мистер Конвэй, в свою очередь вскакивая с кресла.

— Можно и это. Весь вопрос в том: в чьих руках будет эта сила.

— В твоих она уже есть? Надеюсь, ты не зря трудишься здесь ...

Мэттью Роллинг остановился перед собеседником и сказал очень серьезным тоном:

— Почти. Мне посчастливилось напасть на мысль...

Мистер Конвэй снова сел и закрыл глаза рукой. Действительно миру, пора погибать!.. И «Патриция» хорошо делает, что несется к нам... Конвэю стало ужасно досадно за данное профессору Стаффорду слово... Хорошо было бы огорошить Роллинга этим известием... Чтобы он прекратил свои дурацкие опыты... К чему все это!..

Мистер Конвэй с удовольствием вспомнил то блаженное время, когда он не владел еще столькими тайнами... Как хорошо светило солнце и звонко пели птицы!

— Когда-нибудь я поведу тебя в лабораторию и кое- что покажу и расскажу подробнее о моих работах и моем открытии, а теперь скажу только принципы: мы бомбардировали ядра атомов ионами дейтерия, так называемого «тяжелого водорода». Вероятность попадания при таких бомбардировках столь незначительна и снаряды настолько маломощны при их малой массе и плотности, что достигнутые успехи не были эквивалентны затраченным усилиям. Моя мысль заключалась в том, чтобы найти возможность производить бомбардировку, так сказать, снарядами управляемыми и направляемыми, и увеличить их скорость и, таким образом, их кинетическую энергию. Свойство, способное направлять снаряды и сами снаряды, во много раз превышающие своей плотностью, а потому и мощностью эти ионы — мне удалось найти в космических лучах Милликена. Далее, мне удалось построить прибор-циклотрон, сообщаящий им огромную скорость. Комбинируя его действие с действием атомной башни и используя эти новые

частички, мне удалось фактически решить проблему. Следующим важным моим открытием явилось разработанное средство создавать благоприятные условия и среду для протекания так называемой цепной или лавинной реакции в каждом элементе, при которой освобожденная энергия одного разрушенного бомбардировкой ядра — используется для разрушения соседних ядер... Все, что я рассказываю звучит, конечно, очень примитивно, но я передаю суть.

— Почему же ты сейчас не покажешь мне своих опытов?

— Сейчас это невозможно. Теперь в нашей атомной башне происходит процесс, наблюдение за которым и регулирование которого является делом чрезвычайно сложным и требующим неусыпного внимания. Дежурный не должен ни на секунду отвлекать своего внимания от показаний приборов и сверения их с данными расчетов, по выработанной мною системе здесь же исправляя малейшие отклонения от предусмотренной схемы. Поэтому мы дежурируем у машин по очереди и ночью. Я хотел дожидаться результатов и приготовить тебя к моему триумфу...

— Что же даст тебе или человечеству успех? — слабо спросил мистер Конвэй.

— Чрезвычайно простыми и недорогими средствами получить грандиозные возможности. Я уже имею вчерне набросанные проекты автомобиля,двигаемого этой энергией, пистолета, стреляющего пулями, сила взрыва которых неограничена и по желанию может превысить силу бомбы, сброшенной на Хиросиму... И все это можно иметь из нескольких грамм угля...

— Значит, ты можешь быть неограниченным властелином Земли, владея этим секретом... — констатировал мистер Конвэй, — но в чем главный секрет? В конструкции или...

— Главный секрет в разработанной мною последовательной системе управления процессом облучения и бомбардировки и согласованием его во времени. Все это выражено в нескольких десятках листов формул и инструкций, которые должны быть постоянно под рукой оператора. Хо-

тя, конечно, и конструкция моего циклотрона, и новооткрытые мною частички в лучах Милликэна, и способы интенсификации лавинной реакции — секреты тоже немаловажные...

Мистер Конвэй вскочил и схватил за руку Роллинга.

— Черт возьми! Ты должен быть дьявольски осторожен! Ты не боишься ...

Мэттью Роллинг вынул в это время часы и перебил его на полуслове:

— Однако, мы заболтались, старина. Я украл у Вилкинса уже 5 минут. Я должен сменить его в лаборатории и тебе придется поскучать в одиночестве, пока кто-нибудь не явится тебя развлекать...

С этими словами Роллинг быстро вышел, подмигнув на прощанье мистеру Конвэю, который посчитал это вполне уместной шуткой.

Глава VI

ПЯТЬ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ, ИЗМЕНИВШИЕ ИСТОРИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В нашем мире бывает почти невозможно предусмотреть и предугадать те последствия, которые влекут за собой незначительные, на первый взгляд, мелочи. Цепь цепляющихся одно за другое событий приводит иногда к совершенно неожиданным результатам: крохотная песчинка случайно попадает в створку раковины лежащего на дне моря моллюска. Она раздражает тело моллюска, которое выделяет особую жидкость, обволакивающую эту песчинку и, затвердевая, образует жемчужину. Эту жемчужину находит ловец жемчуга. Ее продают ювелиру, который вставляет ее в оправу и продает некоему господину. Другому господину она нравится, как и первому, но он не имеет денег, чтобы купить ее. Тогда он грабит первого господина и во время

грабежа смертельно ранит его, после чего сам попадает на виселицу за убийство... Так крошечная песчинка, через цепь связанных и дополняющих одно другое обстоятельств, оказывается роковой для жизни двух людей, которые и не помышляли о ее существовании.

Пока в комнате каменного дома, обнесенного высокой стеной, происходила описанная выше беседа, снаружи, вне пределов двора, образуемого этой стеной, происходили другие события.

Одноногий сторож, бывший матрос Королевского флота и ветеран первой мировой войны, лишившийся своей левой нижней конечности в морском сражении у Доггер-банки, мирно покуривая свою трубочку, только что собирался заняться изучением свежего номера «Таймс», полученного еще позавчера утром вместе с провизией, принесенной из поселка, как был оторван от этого намерения стуком в ворота. Пробормотав что-то вроде черта и его бабушки, бравый ветеран поковылял к воротам и, раскрыв окошечко, очутился нос к носу с неким субъектом, выглядевшим довольно подозрительно. Его красный нос свидетельствовал о холодной погоде и любви его обладателя к методу согревания своего организма при помощи принятия внутрь больших количеств жидкого горючего. Шляпа его была измята и бесформенна, ботинки стоптаны, а недостающее по сезону пальто — безуспешно пытался заменить цветастый шарф, какие носят обычно мелкие клерки, любящие пофрантить.

Ветеран мрачно уставился испытующим взглядом на посетителя.

— Здравствуйте, любезный, — осиплым голосом, но независимым тоном приветствовал его незнакомец, вежливо приподнимая шляпу. — Не будете ли вы любезны сказать: здесь ли живет мистер Джон Вилкинс, эсквайр? Своим ответом вы меня чрезвычайно обяжете.

— Проваливай-ка подобра-поздорову, — отвечал ветеран, которому незнакомец не понравился с первого взгляда. — Никаких Джонов и эсквайров здесь нет, а если и есть — то тебя это не касается.

— Вы напрасно так нелюбезны, друг мой. Я имею к мистеру Вилкинсу чрезвычайно важное дело, и если вы поспешите сообщить ему о моем визите — он, несомненно, щедро вас вознаградит за это.

— Пхе!.. — презрительно фыркнул ветеран. — Жди... Он вознаградит. Ну, двигай, двигай ногами, нечего тут тебе околачиваться.

— Я настоятельно советую вам, любезный, немедленно пропустить меня к мистеру Вилкинсу или сообщить ему о моем присутствии. За промедление с вас будет строго взыскано, ибо дело не терпит отлагательств.

Если шляпа от Локка и импозантный «Плимут» мистера Ричарда Конвэя так воздействовали на достойного ветерана, что принудили его нарушить категорический запрет пропускать или докладывать о ком бы то ни было, то новый посетитель не располагал этими аргументами, и ветеран захлопнул дверцу перед самым его носом.

Посетитель принялся, что было мочи, колотить в ворота каблуками и настаивать на своем требовании. Тогда ветеран, еще раз вспомнив черта, который сегодня мучает незваных гостей, взялся за старинную, но вполне годную винтовку и потребовал в самой решительной форме, чтобы посетитель удалился.

— Вы не смеее так обращаться с джентльменом, — завизжал тот. — Если вы... Я буду жаловаться, наконец!..

— Поди пожалуйся своей тетушке, — невозмутимо ответил ветеран, поднимая свой самопал. — Ну, я считаю до десяти... Раз...

— Хорошо, я уйду. Но передайте это письмо мистеру...

— Два... три... Передавать ничего не велено... четыре.

— Ладно, колченогий черт! Ты мне за это заплатишь!

— Пять... Шесть...

В «семи» — необходимости не было, так как незнакомец, с ожесточением плюнув, затащил потуже свой шарф и предпринял поспешную ретираду.

Бравый сторож поставил на место свое оружие и, успокоенный сознанием отлично выполненного долга, принял за «Таймс».

Посетитель же, дойдя до сосняка на вершине холма, где еще утром размышлял мистер Конвэй, вынул из кармана письмо, которое только что так неудачно пытался передать мистеру Джону Вилкинсу и, разорвав его на мелкие клочки, бросил их по ветру, пробурчав себе под нос:

— Ну, пусть мои джентльмены ищут других дураков, которые будут рисковать своею шкурой ради жалких десяти фунтов... С меня довольно. Только они меня и видели... Гуд-бай! Пишите письма!..

Нахлобучив шляпу и засунув глубоко в карманы мерзнувшие на ветру руки, он быстрыми шагами зашагал к видневшейся в почтительном отдалении станции узкоколейной железной дороги.

Если бы работодатели этого джентльмена были несколько щедрее и щедростью своей могли бы заставить его быть исполнительнее и с большим рвением работать — то совершенно несомненно, что вся эта история приняла бы совершенно иной оборот, а история человечества, возможно, пошла бы совершенно другими путями. Но лишних 5 или 10 фунтов стерлингов не были заплачены, и почтенный джентльмен, в котором мистер Ричард Конвэй без труда признал бы Филиппа Форка, своего недавнего знакомца, не посчитал необходимым за полученную мизерную сумму искать новые пути для передачи письма. И письмо это, вместо того, чтобы попасть в руки Джона Вилкинса, эсквайра, разнес резкий северо-восточный ветер по всему острову Энст в виде бесформенных клочков и обрывков. Если бы мистер Ричард Конвэй догадался собрать их, то, тщательно подобрав и сложив отдельные куски, он имел бы случай пополнить третьим экземпляром свою коллекцию из имеющихся уже в его распоряжении двух загадочных писем... Это третье письмо имело непосредственное отношение к нему лично и содержало указание Джону Вилкинсу, что ему следует остерегаться мистера Ричарда Конвэя, ибо этот последний перехватил листок из календаря за 30 сентября 195... года. К этому же письму был приложен второй листок за то же число, от получения которого адресатом — зависело, очевидно, очень многое ...

Глава VII

ПЕРВАЯ СХВАТКА (Надежда посещает мистера Конвэя)

Оставшись один, мистер Конвэй почувствовал, что его начинает бить нервная лихорадка и сначала приписал это действию всего только что услышанного. Однако, глубже исследовав причины своего состояния, он неминуемо должен был прийти к выводу, что лихорадка эта вызвана не столько перспективами новых открытий в области атомной энергии и даже не приближающимся с неумолимостью рока днем встречи нашей планеты с космической гостьей, сколько тем обстоятельством, что мистрис Вилкинс, которой, несомненно, известен факт его пребывания здесь, — отнюдь не торопится приветствовать его... Рассеянно блуждая взором по комнате и бродя из угла в угол, останавливаясь то перед картинами, изображавшими по большей части унылые северные пейзажи, то перед книжными шкафами, наполненными научными сочинениями из физики и химии, он не переставал ругать себя, применяя к собственной персоне самые нелестные эпитеты, начиная от «мальчишки» и кончая «дурацким идиотом». Он прекрасно понимал, что не мог придумать ничего глупее, как тосковать и томиться по женщине, во-первых, никогда не выражавшей никакой заинтересованности в его персоне, во-вторых, жене другого человека и, наконец, в-третьих — накануне гибели Земли...

Все это было глупо и как-то даже не уместалось рядом в голове мистера Конвэя. Сердце его замирало всякий раз, когда он вспоминал ее насмешливые губы, интонации ее как будто всегда немножко утомленного голоса и стрельчатые ресницы, открывающие при взлете бездонную глубину ее синих глаз... Рядом с этим казалось нереальной и угроза Земле со стороны небесной тетки Пат и присутствие ученого мистера — ее законного мужа. Конвэй не хотел ничего и не надеялся ни на что, но видеть ее, слышать ее го-

лос, впивать всем своим существом то обаяние, которое было распространено вокруг этой женщины — теперь было для него такой же необходимостью, как дышать. Теперь он даже не называл ее мысленно нежными именами и «Пат», как делал это до ее замужества, и не смел представить себе, что он может целовать эти губы, которые целует другой и... которые целуют другого — но все его существо было полно даже не мыслью о ней, но чувством ее... И если бы в межзвездных просторах не неслась с чудовищной скоростью новая комета, которая должна расщепить на атомы и Пат, и его самого, и Роллинга с его атомами, и эти песчаные холмы — он считал бы себя несчастнейшим человеком на Земле.

Прошло уже довольно много времени, часы где-то за стеной пробили семь, и мысли его постепенно приняли несколько иное направление. Он вспомнил упоминание о красных глазах Пат и намеки Роллинга. Через эти ассоциации он пришел к необходимости решать: следует ли сообщить Роллингу о своем приключении в «Львиной гриве» или же действовать на свою руку. Не подмигни ему Мэттью — он, вероятно, рассказал бы ему все, но теперь Конвэй подумал, что всякие его выпады против Вилкинса неизбежно будут приписаны Роллингом его заинтересованности в Пат и расценены, как весьма неблагоприятные приемы.

Конвэй покачал головой и пробормотал сквозь зубы:

— Я, кажется, окончательно запутался во всем этом. Ну, да все равно... Все это не имеет никакого значения. Сейчас я живу и все живет только по инерции.

Если бы в эту минуту комета профессора Стаффорда обрушилась на Землю — она, вероятно, не произвела бы такого впечатления на мистера Ричарда Конвэя, как вошедшая в комнату племянница профессора. На лице Патриции не было следа горечи, на что подсознательно надеялся Конвэй, и глаза ее не были краснее обыкновенного. Напротив, она была очень оживлена и протянула замершему Конвэю обе руки, которые он горячо сжал.

— Не сердитесь на меня, пожалуйста, что я заставила вас так долго дожидаться; я была немножко занята. Я так рада

видеть вас...

— Не будет ли нескромностью спросить — чем?.. — слегка улыбнувшись, спросил Конвэй, не выпуская ее маленьких рук, которые она не отнимала.

Патриция взглянула в его глаза, и ему почудился в них немой и немного тревожный вопрос... Затем она опустила ресницы и уголок ее губ дрогнул.

— Вы очень быстро поймали меня... Я не была занята, но у меня все чаще появляются приступы хандры, когда мне не хочется смотреть на мир Божий...

Сердце Конвэя подпрыгнуло, но он промолчал.

— Как только Джон будет вполне готов, мы пойдем обедать. А пока расскажите мне, чем вы занимаетесь в этой глуши. Тоже отдыхаете от мира и людей?

— Если хотите — да. Во всем мире есть только один человек, кого я хотел бы видеть, — мрачно выговорил мистер Конвэй.

Патриция рассмеялась:

— Мы с вами два унылых и мрачных мизантропа. Представьте себе, я тоже захотела видеть единственного человека и мое желание мне было легко осуществить. Мне достаточно было только прийти в эту комнату...

— Вы хотели... меня видеть? — широко открыл глаза мистер Конвэй, подаваясь даже несколько вперед в своем кресле.

— Конечно! Мэттью, как я уже говорила вам, все это время не жалеет превосходных степеней по вашему адресу и что же удивительного, если бедная узница этого отвратительного места нарисовала в своем воображении героя и сказочного принца... С того времени, когда вы спасли меня от фокусов моего мотора — я только и ждала вашего визита...

Мистер Конвэй почувствовал теперь, что сердце его упало и куда-то далеко-далеко покатилося. А человеку без сердца легко решиться на безумие.

— Мисс Стаффорд! — подчеркнул он. — Вы для меня будете до... до... скончания мира — той мисс Стаффорд, которую я впервые увидел в лондонском «Карльтоне», — ког-

да-нибудь, и скоро, вы поймете, почему мне легко решиться сказать вам это сегодня, — пусть желание вести светский разговор не соблазняет вас делать мне больно! Не будьте жестокой даже в этой пустой болтовне; с минуты нашей встречи в «Карльтоне» не прошло ни одной минуты без боли во всем моем существе... Я никогда не прощу Судьбе того, что она, сведя меня с вами, так адски жестоко посмеялась надо мной...

Патриция порывисто встала и, отойдя к окну, сказала очень тихо:

— О, Судьбе надо прощать все!.. Ведь она — слепа, мистер Конвэй... Однако, я думаю, пора идти к столу. Предложите же мне руку и будем играть в великосветский, чопорный обед...

Джон Вилкинс встретил их в столовой. Он назвал мистера Конвэя «дорогим другом» и старался разыгрывать роль хлебосольного и радушного хозяина. Конвэй, исподтишка наблюдая за ним, нашел, что он очень переменился за этот период, чего, впрочем, нельзя было сказать о его галстуках. Былой сосредоточенной и значительной молчаливости не осталось и следа, и это давало повод подозревать, что она была и вообще ему несвойственна, а являлась только средством в его борьбе за благосклонность Патриции и находилась в тесной связи с «модой на умников», о которой в свое время обмолвился Мэттью Роллинг. Теперь он выглядел довольным собой и всем окружающим миром и был очень оживлен, чтобы не сказать развязен.

За обедом он пил много вина, сыпал остротами весьма сомнительного свойства, восхищался мелодиями джаз-банды и даже со вкусом цитировал вошедшего в моду пошлейшего поэта.

Патриция, хотя и поддерживала общий разговор, но почему-то избегала встречаться глазами с мистером Конвэем, который, наблюдая все это, чувствовал, что настроение его поднимается с каждой минутой.

После затянувшегося обеда Патриция тотчас же ушла, сославшись на начинающуюся головную боль, попросив мужа проводить гостя в приготовленную ему комнату. Рол-

линг все еще работал в лаборатории, ассистент, как сообщили Конвэю, вообще крайне редко появлялся за общим столом, предпочитая питаться всухомятку в своей комнате, чтобы не быть вынужденным отрываться от своих книг.

Оставшись вдвоем с мистером Конвэем, Вилкинс принялся рассказывать анекдоты, не без изюминки. Кажется, он успел изрядно выпить. Внимательно наблюдая за ним и посмеиваясь над его анекдотами, Конвэй вытащил известное письмо, адресованное «в собственные руки Дж. Вилкинсу, эсквайру» и, протянув его собеседнику, безразлично сказал:

— Я совсем позабыл, что должен передать вам это послание.

Совершенно спокойно поблагодарив, тот взял письмо в руки и, даже извинившись, разорвал конверт. Так же спокойно вынул единственный содержащийся в нем листок календаря, взглянул на него и широкая усмешка, оставшаяся еще после последнего пикантного анекдота, медленно стала сползать с его лица. Хмель, как видно, выползал из его головы тоже... Конвэй отметил, что первым его движением, вернее, мыслью об этом движении — было спрятать листок, но это было только одно мгновение. Он немножко неестественно усмехнулся и положил листок на стол.

— Какой-нибудь сувенир? — спросил мистер Конвэй.

— М-да... — протянул Вилкинс. — Здесь есть интересные сведения.

— Я так и думал.

— Почему?

— Слишком уж необыкновенное письмо. Да и почтальон тоже ...

В глазах Вилкинса, еще не вполне трезвых, Конвэй заметил нечто вроде испуга.

— Позвольте... Как попало к вам это письмо? Кто передал его вам?

— Меня удивляет, мистер Вилкинс, что вопрос, который следовало бы задать в начале, вы задаете в конце.

— Что вы хотите этим сказать, мистер Конвэй? — становясь серьезным, спросил Вилкинс.

— Только то, мистер Вилкинс, что я отобрал это письмо у субъекта, который забрался в мой чемодан в гостинице «Львиная грива» в Сэкс-Ярде.

— Почему вы говорите мне об этом таким тоном, точно я был этим вором?

— Потому, что самое интересное в этом деле заключается в том, что субъект, забравшийся в мой чемодан, вором — не был...

— Вы говорите загадками...

— Не торопитесь... Этот субъект интересовался не присвоением моей собственности, а определением неизвестной породы птиц, к которой принадлежу я.

Вилкинс стремительно выпрямился:

— Я не имею ни времени, ни желания разгадывать ваши шарады и должен вам сообщить, что я крайне удивлен вашими намеками, которые...

— Я не менее удивлен всем этим, мистер ученый!.. — выговорил Конвэй, поднимаясь в свою очередь. Он стал против своего собеседника и взоры их скрестились. Казалось, что вся скрываемая ими обоими до сих пор антипатия бешеным темпом трансформируется в ненависть, и два человека ожидают только малейшего предлога, чтобы наброситься один на другого и начать кататься по полу в дикой схватке, как два разъяренных зверя...

Но Вилкинс разрядил напряжение, деланно рассмеявшись...

— Мы, кажется, очень нервны оба и едва не поссорились из-за какого-то нелепого пустяка... Садитесь и давайте выпьем.

Конвэй все время был убежден, что инструкция Филиппу Форку — «определить породу птицы» — и письмо Вилкинсу исходили из одного места, но доказать это было невозможно, ибо адрес на конверте, содержащем календарный листок, был напечатан на пишущей машинке.

«Чертовски жаль!... — подумал в эту минуту Конвэй, — не то я припер бы его к стене».

— Может быть, вы потрудитесь объяснить мне, какие общие интересы связывают вас со сделавшим на меня на-

лет подозрительным проходимцем по имени Филипп Форк?

Но Вилкинс уже полностью овладел собой и, сообразив, что он, в сущности, неуязвим — принял новую тактику:

— Я не вижу причин, дорогой мистер Конвэй, которые заставляли бы меня трудиться объяснять вам это... Это раз. Два, — почему вы придаете такое значение тому обстоятельству, что письмо, адресованное мне — попало в карман к какому-то бродяге... Не кажется ли вам, что он мог его вытащить где угодно, из чьего угодно кармана и, может быть, из кармана того человека, который должен был мне его доставить? Тем, что он забрался в ваш чемодан, он достаточно полно доказал, что мог забраться и в чей-то другой... Не правда ли? Да и вообще, друг мой, мне следовало бы серьезно призвать вас к ответу за эти глупые подозрения!.. Что же, вы подозреваете меня в соучастии в воровском предприятии? Ну, плюнем на это. Погорячились мы оба. Давайте выпьем и забудем этот нелепый инцидент...

Мистер Конвэй добродушно ответил:

— Вы, пожалуй, правы. Мы живем в очень нервное время. Выпьем.

У порога комнаты, в которую мистер Вилкинс любезно проводил гостя, произошел короткий, но выразительный диалог:

— Покойной ночи, — сказал мистер Вилкинс. — Ха, любопытно, право, что вы обо мне все же думаете в связи со всей этой историей?

— Ничего такого, что вам было бы приятно услышать. Покойной ночи! — ответил мистер Конвэй и захлопнул двери.

Лежа в постели, он бормотал, беспокойно ворочаясь:

— Отсюда ты выкрутился удачно. Но это еще не все. Я тебе еще приготовлю силок, из которого ты так просто не улизнешь, господин ученый...

Потом лицо Пат склонилось над ним и мистер Конвэй уснул, улыбаясь.

Глава VIII

ДОКТОР МАКДУФ ОКАЗЫВАЕТСЯ НА ВЫСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Доктор Макдуф был разбужен неистовым звоном дверного колокольчика. Накануне вечером он несколько задержался в «Львиной гриве», ибо его главный противник, лондонский приезжий, отсутствовал, и доктор так разделял своих бильярдных партнеров, что зрители только головами качали. Теперь его разбудили на рассвете, совершенно невыспавшегося и злого.

— Опять какой-нибудь болван упал с крыши или расстроился чей-нибудь желудок, — подскакивая с постели и натягивая халат, пробурчал доктор.

Служанка приходила к доктору убирать его холостую квартиру только в 8 часов, и теперь ему пришлось самому идти и открывать двери. Звонок непрерывно дергали и он звенел, как сумасшедший. Доктор распахнул двери — перед ним стоял владелец «Львиной гривы»... Глаза Сэма безумно блуждали, челюсть отвисла и, увидев доктора, он нечленораздельно замычал...

— Какого черта вы здесь делаете, Сэм? Что случилось?

— Они говорят... Они говорят... — зубы Сэма не попадали один на один.

— Вы что, пьяны? — голос доктора зазвучал сталью, и он забыл вспомнить черта.

— Она падает, доктор... Па-адает...

— Долго вы будете меня выводить из терпения, дубина вы эдакая? Что падает, сто чертей?

— Па-ат-риция... па-а-дает...

— Какая проклятая Патриция падает? Черт их носит... Что она, руку, ногу сломала? Да отвечайте же скорей, олух вы Царя Небесного!

— Она — не женщина, доктор... Она камень...

Это вывело из себя доктора. Он слетел как коршун на

бедного Сэма и основательно встряхнул его за плечи:

— Вы пьяны, как стелька, миллион дьяволов! Марш домой и проспите, иначе я заварю вам такого грогу, что у вас уши три недели стоймя стоять будут...

— Слушайте радио, доктор, — едва пролепетал Сэм, — они еще скажут... Они сказали... что они скажут... они говорят... профессор говорит...

Предел бывает всему, даже гневу. Более чем он был сердит, доктор Макдуф рассердиться не мог, поэтому он даже смягчился и подбодрил Сэма:

— Ну-ну, в чем дело? Расскажите же толком, черт подери!

Вокруг все было спокойно, и даже день обещал быть погожим... Из мелочной лавочки вышла вдова Квик и пожелала доктору доброго утра. В глубине переулочка старый Робертсон вел куда-то лошадь, и длинный Том раскидывал сети на заборе...

Сэм долго глотал воздух, как выброшенная на берег рыба, и, наконец, вымолвил все сразу, без остановки и запинки, как будто знаков препинания вовсе не существовало в добром английском языке:

— Они говорят доктор комета новая падает на нашу Землю и мы все умрем сгорим задохнемся и Земля наша пропадет и нужно быть спокойным...

— То-то вы и спокойны, дьявол вас возьми! — пожал плечами доктор.

Однако, он поднялся в свою комнату и включил радио. Провертев ручку настройки по всему диапазону, он не услышал ни единого звука, кроме обычных тресков... Все радиостанции мира молчали, будто сговорились. Сэм переминался в дверях с ноги на ногу, вздыхая и стеная.

Наконец, минут через пять бесплодного верчения всех ручек аппарата, доктор Макдуф услышал, как все английские станции заговорили сразу, и то, что услышал доктор Макдуф с Сэмом — услышали сотни миллионов людей во всем мире и это наполнило все сердца холодным, как межзвездные пространства, в которых неслась по своему роковому пути комета, ледяным ужасом, хотя во многих го-

ловах рассудок отказывался верить и лихорадочно искал спасения в надеждах на ошибку, на шутку, на мистификацию, на счастье, то есть на все то, на что надеяться было нечего.

«Внимание! Внимание! Внимание!.. Всем! Всем! Всем!.. Сохраняйте спокойствие! Сохраняйте спокойствие! Пресекайте всякую панику и все попытки злонамеренных элементов нарушить общественный порядок. Имперское Его величества правительство обращается ко всем гражданам Соединенного королевства с чрезвычайным сообщением. Слушайте, слушайте! Сохраняйте спокойствие! Всем, всем, всем!

Вчера вечером, президент Королевского астрономического общества, почетный член Королевской академии наук профессор Стаффорд сделал доклад правительству, собравшемуся по его требованию на экстренное заседание, об открытом им новом небесном теле, названном “Кометой Патрицией” 195 ... года.

Сообщение об открытии этой кометы профессором Калифорнийского университета Менцелем — было сделано ранее. Профессор Стаффорд сообщил, что комета была обнаружена им на 12 дней ранее профессора Менцеля и к этому времени он успел произвести все исследования и вычисления, связанные с новооткрытой кометой, ее физическими данными и направлением ее полета. Профессор Стаффорд, основываясь на своих вычислениях, сообщил, что при прохождении через орбиту Земли комета “Патриция” неминуемо должна столкнуться с нашей планетой, вызвав тем самым космическую катастрофу, последствием которой будет неотвратимая гибель нашей планеты, как небесного тела. Судьба человечества, таким образом, уже решена и мы стоим перед фактом приближающегося конца мира. Шансы на спасение профессор Стаффорд определяет равными нулю. Имперское правительство ожидает от всех граждан, что каждый сохранит свое человеческое достоинство, и последние дни существования человечества не будут омрачены дикими эксцессами.

Сохраняйте спокойствие! Правительство заседает без перерыва, обсуждая создавшееся положение. Епископ Кентерберийский служит непрерываемую мессу о даровании Чудесного Спасения нашей многогрешной планете.

Сохраняйте спокойствие, и пусть помыслы каждого в эти дни устремятся единственно ко Всевышнему, в чьих руках Судьбы Миров.

Слушайте следующее экстренное сообщение через пять минут».

Сэм не понял ничего из выслушанного сообщения, так как был занят своими причитаниями и не слышал его. Но доктор Макдуф слышал и понял все отлично. Он крикнул и сел, чувствуя, что лоб его мгновенно порывлся испариной. Доктор Макдуф лишился дара речи.

Маятник старинных часов равнодушно качался из стороны в сторону, четко отсчитывая последние секунды из тех последних часов, которые оставались в Вечности для существования планеты Земля — ничтожной песчинки в беспредельных пространствах Космоса. Радио заговорило вновь:

«Всем! Всем! Всем! Внимание! Только что получено сообщение из Калифорнии от профессора Менцеля, слышавшего сегодня ночью объявление профессора Стаффорда. Профессор Менцель подтверждает все выводы и заключения профессора Стаффорда и доносит, что хотя он и не имел еще времени систематизировать свои наблюдения над кометой “Патрицией”, — но что он вполне разделяет, на основании полученных им предварительных данных, утверждение профессора Стаффорда о неизбежности космической катастрофы. Оба профессора сходятся на том, что надежда на то, что Юпитер, проходящий вблизи при пролете “Патриции”, может отклонить ее полет, высказанная сегодня утром профессором Парижской обсерватории — является нереальной и основана на ошибочном исчислении скорости “Патриции”».

Радио вновь замолкло и через пять минут продолжало далее:

«На чрезвычайном заседании Имперского Его величества правительства вынесены следующие постановления,

приобретающие силу законов со времени их опубликования:

“Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Первое: Человечество не может и не должно до последнего вздоха последнего живого человека на Земле утратить веру в неизреченное милосердие Отца Небесного. Не должно пассивно ждать гибели, но напротив того — обязано предпринять все возможное в пределах человеческих сил для обеспечения своей безопасности и защиты от надвигающейся катастрофы в уповании на то, что катастрофа может быть только частичная. Второе: Все правительства всех держав мира объединяют и координируют свои усилия в деле руководства спасательными мероприятиями. Третье: Правительствами уже делаются соответственные распоряжения по оборудованию под убежища всех известных глубоко залегающих пещер и по снабжению их приборами искусственного производства кислорода и накопления в них достаточных запасов продовольствия. Четвертое: Все трудоспособное население всех стран считается мобилизованным, с настоящего момента, для выполнения этих работ и прорытия новых пещер и тоннелей под дном морей и океанов, где имеются наибольшие возможности спасения в условиях повышения температуры и воздушного давления от сближающихся небесных тел. Пятое: Каждый обязан оставаться на своем посту для обеспечения нормальной жизни до получения, им персонально, нового назначения на общественные работы. Шестое: Все нарушители общественного порядка, покушающиеся на ослушание и пытающиеся использовать тревожное время в своих интересах — будут караться смертью на месте преступления без суда и следствия”».

По неведомым причинам доктор Макдуф теперь не только вновь обрел дар речи, но даже и способность к некоторой игривости.

— Ну, Сэм, вам поручается заготовить нам съестные припасы. Сотня хороших, жирных гусей — будет как раз впору. Ну, еще там свиных окороков, добрых пудингов и тортов... Но главное — не забудьте, миллион чертей и пят-

надцать дьяволов, — старого эля... На острове Энст, слава Господу, пещер много — рыть не надобно! — И, хлопнув Сэма по плечу, доктор закончил: — А лондонский парень об этом деле видно давно знал... Помяните, Сэм, его проклятый намек на столкновение шаров?.. А?!

Глава IX

МИСТЕР КОНВЭЙ ПРИБЕГАЕТ У УСЛУГАМ СКОТТЛЭНД-ЯРДА

У мистера Конвэя были свои причины отказываться от настоятельных просьб Мэттью Роллинга не спешить с отъездом и погостить в лаборатории подольше. Даже синие глаза Пат, выражение которых, как показалось Конвэю, было мягким и немного грустным при прощании, не смогли повлиять на его решение, и он остался непоколебимым.

Пат, подавая руку, сказала ему:

— Если вы будете нас навещать, я буду очень рада...

Мистер Конвэй сморщился, как если бы ему в рот попал кусок лимона и, ничего не ответив, отвел свои глаза и включил мотор.

Выехав на дорогу, вместо того, чтобы свернуть вправо, на ответвление ведущее в Сэкс-Ярд, он неожиданно свернул влево по главной дороге, ведущей в Бельмонт. Автоматически следя за поворотами, подъемами и спусками и машинально крутя рулевое колесо, он раздумывал над создавшимся положением.

— Итак, если бы не «Патриция» — то мир все же оказался бы лицом к лицу с угрозой той колоссальной опасности, которую вызвал к жизни, как спирит вызывает духов, Мэттью Роллинг!.. — Конвэй представил себе, какой шум поднялся бы вокруг этого открытия. Каких бы путей не использовали, каких бы средств не применили агенты тех государств, которые и сейчас еще, через несколько лет по-

сле окончания Величайшей, второй Мировой войны — мечтают о новых завоеваниях, о покорении силою оружия других народов и о навязывании этим другим народам своей воли, своих взглядов и своих систем... Сколько было бы новых преступлений, новых ужасов, какая глухая подземная борьба закипела бы вокруг этих нескольких листов расчетов и инструкций, о которых говорил Мэттью. Это открытие явилось бы теми дрожжами, на которых с катастрофической быстротой взошли бы и развились ненависть и вражда, неминуемо ведущие к новой, еще ужаснейшей человеческой бойне, на этот раз, может быть, последней.

«Дико! — раздумывал мистер Конвэй. — Разум — это нечто абсолютное, нечто высшее! Чудо из чудес! На Земле — песчинке во вселенной — человек, величина порядка одной биллионной самой малой величины... И у этой умозрительной частицы, живущей в среднем 60 оборотов Земли вокруг Солнца — разум, охватывающий всю Вселенную!.. А это, видимо, против законов природы, — этим нарушается равновесие, и разум, способный решить все задачи Мироздания, должен логически прийти к отрицанию себя и уничтожению себя... Тогда равновесие вновь восстановится».

Въехав в Бельмонт, мистер Конвэй был поражен несколько необычным оживлением, царившим на улицах городка. У каждого общественного здания толпились небольшие кучки людей, о чем-то оживленно беседующих... Обратил внимание мистер Конвэй также на чрезмерное количество лиц, нетвердо держащихся на ногах и с размахистыми жестами выкрикивающих какие-то тирады, в которых спрягался во всех временах и лицах глагол «плевать»...

Приостановив свой автомобиль, мистер Конвэй вежливо осведомился у одного из таких покачивающихся субъектов, где находится телеграф.

— Телеграф?! — выпучил глаза тот, будто его спросили о чем-то неслыханном. — А за каким, собственно, чертом вам телеграф?! Плевать!.. К чертям все телеграфы мира... Я сам... телеграфист и, извольте видеть, совершенно не интересуюсь телеграфом. Вылезайте из вашего экипажа и пой-

демте пропустим по стаканчику за упокой души всех телеграфов... Да и нас с вами, заодно...

— Но, право же, мне необходим телеграф, — несмело настаивал мистер Конвэй.

— Не валяйте дурака!.. Плюньте! Теперь нет ничего необходимого, кроме огненной воды, дающей радость... — И собеседник мистера Конвэя, отойдя, затянул, хотя и не очень громко, популярную песенку:

«Мэгги, Мэгги, твои огненные волосы зажигают огонь в моем сердце!..»

В это время из-за угла показался важно шествующий констебль и, увидев его, телеграфист сразу же прервал музыкальное восхваление огненных кудрей Мэгги.

— Мистер Дженкинс, — строго сказал констебль, — вам следовало бы сидеть за своей конторкой!.. Или, может быть, распоряжения правительства Его величества не касаются телеграфных служащих?

Здесь мистер Конвэй заметил, что случайно остановился как раз у дома, где помещалась телеграфная контора, куда поспешно и юркнул подгулявший телеграфист.

Несомненно, размышления на тему о человеческом разуме, которыми была занята голова мистера Конвэя, притупили его проницательность, иначе он сразу же догадался бы о причинах замеченных им странных явлений в городе. Но так и не догадавшись ни о чем, он вошел в помещение и, написав несколько строк на телеграфном бланке, протянул его в окошечко. Успокоившийся несколько телеграфист долго читал его, то приближая, то удаляя от глаз видевших не совсем еще четко...

— Скажите, — начал он, — вы не ошиблись? Здесь все правильно?

— Я не ошибся, — ответил мистер Конвэй, — это зашифрованная телеграмма.

— Ага, — удовлетворенно кивнул головой телеграфист, — я думал, что и вы тоже... с горя!..

— Что «с горя»... — любопытствовал мистер Конвэй.

— Ну... того... Перехватили. А как вы? Верите в это дело? Мне кажется, что профессора напутали. Не может это-

го быть, чтобы все пропало так... здорово живешь!

Теперь мистер Конвэй сразу понял все и даже удивился, что замеченные им странные явления так мало напоминали собой те картины и душераздирающие сцены, которые он рисовал в своем воображении, и которые по его предположениям должны были разыгаться, когда человечество услышит свой приговор.

— Ах, да, — махнул он рукой, — конечно, это чепуха! Не стоит придавать всему этому значения.

И телеграфист, окончательно успокоенный его безразличием, передал в Лондон бессмысленный набор слов, написанных на бланке.

Расшифровав его в далеком Лондоне, редактор «Ежедневного курьера» незамедлительно поднял трубку телефонного аппарата и, соединившись со Скоттлэнд-Ярдом, сказал:

— Можете ли вы составить в кратчайший срок обстоятельное досье по поручению редакции «Ежедневного курьера»?

— Если дело идет об этой идиотской комете — нет.

— Дело идет об одном частном лице и досье необходимо для мистера Ричарда Конвэя, журналиста, очевидно, неизвестного вам.

— Отлично, это будет сделано. Только срок может затянуться. Вы сами понимаете, что комета несколько нарушила нормальное течение жизни и осложнила нашу деятельность.

— Мистер Конвэй настаивает на скором ответе. Сообщите, пожалуйста, все что известно о профессоре Канберрского университета по кафедре физики Джоне Вилкинсе, ныне находящемся в Англии. Не пренебрегайте никакими подробностями.

Глава X

ПОЛКОВНИК НОРТОН ОДОБРЯЕТ ДЕЙСТВИЯ МИСТЕРА КОНВЭЯ И БЕРЕТ ИНИЦИАТИВУ В СВОИ РУКИ

Все события, происшедшие в мире в дни после объявления об угрозе со стороны «Патриции», вероятно, можно отнести к величайшим парадоксам всей истории земного человечества. Вместо диких, исступленных сцен, хотя и страшных, но достойных «конца мира», человечество, в общем, реагировало на это известие подобно обитателям Бельмонта, которых имел случай наблюдать мистер Конвэй. Во всех городах, с небольшими вариациями, происходило то же самое: люди, вместо того, чтобы броситься в крайности и начать резать и душить друг друга, как, видимо, опасались все правительства, после первых мгновений страха, сомнительно покачивали головами и недоверчиво ухмылялись... Вместо парализованной жизни — всего несколько остановившихся в местах, неположенных правилами уличной езды, автомобилей и кэбов, которые были немедленно же оштрафованы бдительными стражами порядка. Вместо бунтов и революций — несколько подгулявших служащих, которые точно с таким же успехом могли бы подгулять и по случаю именин тетушки.

То ли нервная восприимчивость людей была притуплена сравнительно недавно закончившейся войной, и все связанные с нею ужасы подготовили психику ко всякому известию, то ли просто размеры нового ужаса, надвигавшегося на планету, были настолько грандиозны, что не умещались в головах обывателей, но жизнь шла своим чередом, и каждый продолжал делать свое привычное дело, может быть, только чаще обычного взглядывая на небо, в котором ничего, кроме привычных взору звезд, не было видно.

Правда, все биржи мира ответили на это известие резким понижением курса ценных бумаг, и в деловых кругах стали учащаться самоубийства, но эти первые проявления действия приближающейся «Патриции» не имели непосредственного касательства к жизни массы среднего населения, которое могло продолжать пользоваться всеми благами прогресса и культуры. Поезда приходили строго по расписанию, почта действовала безукоризненно, на улицах, по ночам, все так же горели фонари, сияли световые рекламы и ярко освещенные витрины магазинов; вода и газ текли по трубам; театры и кино были переполнены; в ресторанах — надрывно рыдали чудовищными глиссандо скрипки и танцевали полуобнаженные женщины со строгими, черно-белыми мужчинами.

— Ты не боишься, милый?.. — спрашивали женщины.

— О, нет!.. Ведь, мы умрем вместе, дорогая! — отвечали галантные кавалеры.

Так проходили дни за днями. Иногда закрывались фабрики и заводы застрелившихся владельцев и увеличилось количество безработных; набожные старушки крестились еще чаще, вспоминая о Страшном Суде, но жизнь, неистребимая жизнь, текла по своему привычному руслу.

Настойчивые призывы к спокойствию, опубликованные правительствами всех стран в первый день, оказались совершенно беспочвенными, никто этого спокойствия, по сути дела, даже не покушался нарушать, и граждане готовы были даже, в свою очередь, призывать к спокойствию правительства при виде спешно едущих куда-то колонн грузовых автомобилей, нагруженных тюками и ящиками, марширующих крупными соединениями воинских частей и читая приказы о мобилизации на работы.

С каждым днем, однако, этих признаков беспокойства правительства проявлялось все больше и они незаметно, но неумолимо вторгались в жизнь. Были приостановлены все строительные работы и машины куда-то увезены. У фирм и частных владельцев были безжалостно отобраны все транспортные средства. В один прекрасный день оказалось, что вновь введена строжайшая система рационирования пи-

щевых продуктов, только недавно отмененная после годов войны. Внезапно был закрыт для движения, всего несколько месяцев назад оконченный прорытием, туннель под Ла-Маншем и стали доходить слухи, что там концентрируются огромные запасы продовольствия. Срочно было приступлено к прорытию новых тоннелей под Гибралтарским проливом и под дном Адриатического моря. Америка разрабатывала и лихорадочно принялась осуществлять грандиозный проект прорытия целого лабиринта туннелей под Мексиканским заливом.

Армии незаметно, но решительно набранных рабочих стали вгрызаться в землю: долбить скалы, грести и вынимать песок... Все громче и настойчивее скрежетали скреперы и громыхали экскаваторы, все громче и чаще гремели взрывы... Стали строиться новые химические заводы, вырабатывающие взрывчатые вещества и поспешно расширяться уже существующие. Ученые, инженеры, техники ломали головы над составлением новых проектов и изобретением новых машин и инструментов для производства земляных работ. В правительственных секретных лабораториях пытались применить для спасения человечества атомную энергию, до сего времени остающуюся пригодной только для разрушения и уничтожения. Но атомный демон был упрям и упорно отказывался работать созидательно.

Маленькие букашки-люди продолжали копошиться на поверхности своей обреченной планеты, делать то, что им приказывало начальство: есть, пить, спать, погрязать в мелких ссорах и дразгах, и если бы не ежедневные астрономические сводки, говорящие о том, что комета «Патриция» летит с чудовищной скоростью, не думая даже отклоняться от первоначально избранного пути своего полета, жизнь Земли в эти дни, фактически, ничем бы не отличалась от жизни Земли во все другие дни.

Мистер Ричард Конвэй проводил свое время скучно и однообразно, живя в своей «Львиной гриве», записывая что-то в свой дневник, играя на бильярде с восплавшим к нему положительной симпатией доктором Макдуфом, утешая ноющего Сэма и одиноко гуляя по окрестным пус-

тынным дюнам. Он не узнал ничего нового для себя, а с тем, что он знал, он так или иначе давно успел примириться и покориться своей участи.

Погода испортилась окончательно и над островом Энст бушевали холодные северо-восточные ветры, то нагоняя, то вновь унося туман и изредка посыпая остров мокрым и противным снегом. В лаборатории мистер Конвэй не бывал со времени первого своего визита. Мэттью Роллинг, очевидно, был увлечен работой и забыл о нем. А Пат... Пат, может быть, ждала его, и он часто вспоминал, со щемящим терпким чувством безнадежности, ее синие глаза и слова: «Если вы будете нас навещать — я буду очень рада».

Мир мог погибать, но радости, которую он испытывал, вспоминая их, у него не мог отобрать никто... Однако там, рядом с Пат, был мистер Джон Вилкинс, встречаться с которым мистер Конвэй не хотел до того, как так или иначе не сможет определить своих отношений с ним.

И день определения этих отношений, намеченный листком календаря, приблизился и наступил и, начиная с него, события стали разворачиваться с головокружительной, поистине кинематографической быстротой.

Уже утро этого дня принесло мистеру Конвэю некоторую неожиданность и показало, что надвигающиеся события должны будут выйти из рамок его дилетантских детективных упражнений.

Тотчас же после завтрака, когда мистер Конвэй уже взялся за свою шляпу и трость, чтобы отправиться на свою обычную прогулку, в дверь его комнаты постучали. Думая, что это Сэм явился за его помощью в разрешении какого-нибудь из мучивших беднягу вопросов о судьбе мира, Конвэй, даже не оборачиваясь, крикнул — «войдите» и был очень удивлен, увидев, что в комнату вошел твердой и решительной походкой немолодой уже крупный человек с красным лицом и рыжими усами, совершенно ему незнакомый.

— Вы мистер Ричард Конвэй? Журналист? — отрывистым, хриловатым голосом спросил вошедший и, получив в ответ несколько растерянный кивок головы, бесцеремон-

но уселся на стул и, оглядев с ног до головы Конвэя, сказал:

— Отлично. Вы мне нравитесь.

— Очень приятно, но разрешите осведомиться — с кем имею честь?..

— Полковник Нортон, — так же отрывисто выбросил слова незнакомец. — Полковник Нортон и, может быть, вам будет интересно узнать, что полковник контрразведывательной службы... Да, сэр, полковник Нортон, прибывший сюда по личному поручению своего шефа из Интеллидженс-Сервис, в прямой связи с вашим запросом в Скоттлэнд-Ярде.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы взяли на себя труд... — любезно улыбнувшись, начал мистер Конвэй. Но решительный полковник остановил его жестом руки:

— Не будем тратить времени, сэр, на салонные любезности... Я вижу, вы одеты для прогулки... Сейчас мы пойдем гулять.

— Позвольте, полковник, за чашкой кофе мне несомненно будет удобнее рассказать, а вам выслушать все мои соображения по поводу...

— Разрешите мне заметить вам, сэр, что ваши соображения, да, соображения, — подчеркнул полковник, — меня совершенно не интересуют... Мне нужны только ваши наблюдения и факты. Все это вы изложите мне во время прогулки. В четырех стенах — я очень прошу вас не называть ничьего имени. Надеюсь, я выразился ясно, сэр?!..

Мистеру Конвэю ничего другого не оставалось, как, надев свою шляпу, отправиться на прогулку с энергичным полковником. Когда они удалились на достаточное, по мнению этого последнего, расстояние от всех подозрительных, с точки зрения присутствия посторонних ушей, мест, полковник начал, беря под руку мистера Конвэя:

— Я должен вас осведомить, сэр, во избежание неясностей в дальнейшем нашем разговоре, что, во-первых, я должен быть единственным человеком, с которым вы имеете право разговаривать о мистере Джоне Вилкинсе, а во-вто-

рых, что все, что мы ни будем с вами делать — находится вне всякой связи с кометой. Ее нет!.. Для нас она не должна существовать... Комета сама по себе, а наше дело само по себе.

— Я думаю точно так же.

— Тем лучше. Вы мне продолжаете нравиться. Итак, сэр, приступим к мистеру Джону Вилкинсу. Сей достойный джентльмен интересуется нас уже очень давно. Именно в силу этих обстоятельств Скоттлэнд-Ярд, который вы запросили, передал ваше поручение нам. Никаких прямых обвинений или даже подозрений против почтенного ученого нет. Единственное, что заставляет нас не упускать его из виду, это его тесные связи в Австралии с неким господином, арестованным после по обвинению в шпионаже, но ухитрившимся улизнуть из-под ареста. Мистер Джон Вилкинс незамедлительно после этого счел за благо переменить превосходный австралийский климат на туманы Великобританских островов, где мы уже не спускали с него нашего взора. Нужно сказать, что хотя прошло уже несколько лет, но решительно ничего подозрительного за ним замечено не было: он занимался наукой при многих университетских кафедрах, правда, в такой области, которая заставляет нас держаться все же настороже. Поэтому, когда нам стало известно, что вы также заинтересовались делами Джона Вилкинса, я немедленно же прибыл к вам для подробного ознакомления с вашими данными.

Мистер Конвэй даже замедлил шаг и, едва успев схватить сорванную с головы порывом ветра шляпу, спросил быстро:

— Вы говорите, связь со шпионами?.. О, в таком случае я уверен, что на этом пустынном острове для вас найдется много интересного...

— Будьте осторожны, сэр. Повторяю — никаких прямых подозрений не имеется... Только старое австралийское знакомство, очень может быть, чисто случайное, да еще разве то, что мистер Джон Вилкинс не англичанин и даже не англосакс, а всего лишь натурализовавшийся британский подданный, хотя он и скрывает это, разыгрывая, и нужно

сказать, неплохо, роль стопроцентного островитянина. Он недавно женился на прелестной девушке из высшего круга и, надо полагать, предпринял это с той же целью — окончательно войти в хорошее общество и замести все следы. Однако, может быть, тут замешан просто снобизм, так как он...

Мистер Конвэй откашлялся, и этот кашель не прошел незамеченным. Полковник прервал свою фразу на полуслове и быстро продолжал:

— Впрочем, мы удалились от предмета. Теперь я слушаю вас!

Они долго бродили по побережью. Мистер Конвэй, отгораживаясь поднятым воротником от пронзительного ветра, с удивлением замечал, что полковнику этот ветер не доставлял ничего, кроме удовольствия. Лицо его покраснело еще больше, рыжие усы несколько растрепались и глаза блестели ярче. Во время рассказа мистера Конвэя, не упустившего ни единой мелочи, и из которого полковник не проронил ни слова, прерывая рассказчика дополнительными вопросами, он часто издавал одобрительные возгласы, оживляясь все больше. Когда мистер Конвэй дошел до календарного листка, о перипетиях с которым он поведал полковнику пониженным голосом и близко наклоняясь к его уху, хотя на несколько километров вокруг не было ни единой живой души, не считая альбатросов, с противными криками носившихся над седыми, серыми волнами, охотясь за рыбой, — ноздри полковника раздулись, и он даже крикнул от удовольствия.

— Здорово! Прекрасно! Превосходно! Вы мне нравитесь! Лучшая штука бы не пришла бы в голову и самому Кириллу Фоллсу!.. Это вы адски здорово придумали. Я полностью одобряю все ваши действия. — Полковник крепко пожал руку мистеру Конвэю и, расправив свои усы, еще раз крикнул: — Отлично! Значит, я не мог прибыть более своевременно, чтобы принять участие в сегодняшнем спектакле!.. Пистолет у вас есть?.. Чудесно! Значит, так ему этот календарный листочек и вручили? Просто гениально! И сегодня как раз этот судьбоносный день!.. Вы положительно молод-

чина.

Полковник вынул часы и, взглянув на них, сразу перешел на деловой тон, от которого отошел ради комплиментов мистеру Конвэю.

— Темнеет здесь часов в 6, я думаю... Ваш автомобиль абсолютно надежен? Давно разбирали мотор? Не подведет в критическую минуту?

И, услышав, что «Плимут» мистера Конвэя прошел, выйдя из завода, самое большое 1000 километров и абсолютно надежен, закончил беседу:

— Я полагаю, сэр, нам пора возвращаться. Мы должны пообедать и отдохнуть. Может быть, нам предстоит хлопотливая ночь. Вы говорите, до Норвича 20 минут езды? Превосходно, — в половине шестого мы выезжаем.

Глава XI

ШУТКА МИСТЕРА КОНВЭЯ

Этот же самый день ознаменовался двумя происшедшими в лаборатории Мэттью Роллинга, незначительными на первый взгляд происшествиями, имевшими, однако, весьма существенное значение для развития последующих событий.

Первое заключалось в получении спешной депеши на имя Мэттью Роллинга, доставленной с нарочным, второе в том, что мистер Джон Вилкинс по весьма досадной неосторожности уронил на пол и безнадежно повредил очень простой, но имевшийся в единственном экземпляре и совершенно необходимый для работы электрический прибор.

Получив депешу из министерства, срочно вызывавшую его в Лондон, Мэттью Роллинг был совершенно озадачен, но послушаться не посмел.

— Что они там, с ума сошли? — недовольно наморщил он брови, прочтя категорическое предписание. — Неужели

влияние этой нелепой кометы сказывается даже на трезвых головах государственных людей?

Нужно сказать, что на обитателей лаборатории известие о комете произвело столь же малое впечатление, как и вообще на большинство людей, если не еще меньшее. Все они по молчаливому согласию исключили ее из реальной жизни, подобно тому, как сделал это полковник Нортон. Роллинг резюмировал обсуждение этого известия короткими словами:

— Во время войны мы должны были считаться со смертью, грозившей в каждой последующей секунде... И все же делали свое дело, и каждый исполнял свой долг. Я не вижу — почему бы нам могла помешать заниматься своими делами комета, которая прилетит через месяц!.. Да и прилетит ли, вообще! Я слишком хорошо знаю, как возможны ошибки во всяких вычислениях и наблюдениях.

Когда мистер Джон Вилкинс узнал о вынужденном отъезде Мэттью, он нахмурил лоб и сказал:

— Это очень некстати, мистер Роллинг. Поездка никак не продлится менее 2-3 дней. А ваше присутствие именно теперь так необходимо...

Впрочем, морщины на челе мистера Вилкинса чрезвычайно скоро разошлись, и он благодушно напутствовал отъезжающего:

— Вы только не задерживайтесь. Конечно, нам будет трудно, но мы как-нибудь управимся, дежуря по 12 часов. Вы успеете приехать как раз к завершительной стадии процесса.

— Я рассчитываю на вас, Вилкинс, — сказал Роллинг, пожимая ему руку, — вы знаете все не хуже меня. Главное, ни на йоту не отступайте от инструкции. Три раздела, на 48 часов каждый — я оставляю вам. Через три дня я вернусь, во всяком случае.

У мистера Вилкинса промелькнула мысль, что он не может знать все также хорошо, как Роллинг, поскольку этот последний всегда выдавал инструкцию только отдельными разделами на время дежурств, весь же комплект расчетов и инструкций и все свои записки и результаты изыс-

каний хранил в стальном сейфе, с ключом от которого никогда не расставался, однако, он промолчал, пожелал Роллингу доброго пути и тотчас же углубился в работу, что-то сверяя, вычисляя и взглядывая на многочисленные стрелки приборов.

У Пат, очень задумчивой в последнее время, задрожали ресницы, когда Мэттью прощался с ней.

— Мне очень не хочется, чтобы вы уезжали, Роллинг, очень не хочется. Мне немножко страшно, хотя вы знаете, что я не трусиха.

— Ваши нервы шалют, Пат! Вилкинс должен вас отправить поразвлечься. Вы совсем извелись здесь. Знаете, — поцеловав ей руку, сказал он, — я по дороге заеду и пришлю к вам Конвэя, все же вам будет...

— Не смейте этого делать, — с силой вырывая свою руку, почти вскрикнула она, — слышите, не смейте!

Роллинг только мягко сказал: — «Как хотите» и уехал.

Пат протомилась целый день; сама не понимая почему, она почувствовала, что ее вдруг охватила непонятная тревога. Строчки книжки она читала, ничего не понимая в них, вышивание не ладилось... Она попробовала сыграть свою любимую сонату Грига, но и музыка не давалась и не приносила облегчения.

Наконец, вечером, ассистент сменил у аппаратов Вилкинса, и он вошел в комнату Пат, потирая руки. Последние дни присутствие мужа не только не развлекало Пат, а скорее как-то коробило, но сегодня она была рада ему и заметила, что Вилкинс выглядит положительно довольным.

— Случилось что-нибудь приятное, Джон?

— Скорее неприятное, дорогая. Я разбил один необходимый прибор и мне придется ехать вслед за Роллингом, чтобы раздобыть новый. Обойтись без него невозможно...

— В Лондон? — ахнула Пат.

— О нет, только в Лервик. Я рассчитываю получить его в морской лаборатории. Я еду немедленно.

— Право, это приятно, Джон! Ты возьмешь меня и это будет преотличная прогулка. Я совсем раскисла. Тебе придется подождать меня всего десять минут...

Вилкинс поспешно возразил:

— О нет, нет! Это совершенно невозможно. Ведь я еду по делам на несколько часов... Нет, я решительно не могу тебя взять с собой.

— Но почему же? Разве я тебе помешаю?

— Нет... Впрочем, да. Это неудобно. Как-нибудь в другой раз.

Пат пожала плечами и более не настаивала. Мистер Джон Вилкинс вышел в свою комнату, захватил теплое дорожное пальто и уехал, очень нежно поцеловав на прощанье жену. Пат слегка удивилась этой нежности, равно как и тому, не укрывшемуся от ее глаз обстоятельству, что муж взял с собой в эту поездку туго набитый портфель; однако, подумав, что это не имеет значения, Пат подошла к фортепиано, открыла крышку, и комната наполнилась звуками сонаты Грига. Сейчас игра доставляла ей невыразимое наслаждение с примесью чего-то очень грустного и безнадежного. На глазах Пат показались слезинки...

Джон Вилкинс, тем временем, уселся в свой отличный «Рольс-Ройс», бережно положив объемистый портфель на сиденье рядом с собой, и медленно выехал за ворота, пожелав одноногому ветерану доброй ночи, на что тот упрямо пробурчал ответное приветствие.

— Этот мерзавец почему-то решительно недолюбливает меня, — процедил сквозь стиснутые зубы Вилкинс.

Ночь была безлунная, и густая чернота мгновенно залила «Рольс-Ройс» Вилкинса, как только ветеран хлопнул ворота, из которых падал свет ярко горевшего фонаря. Сперва глаза Вилкинса не видели ничего, но потом он смог различить несколько более светлую ленту дороги, по которой он и пустил автомобиль, очень осторожно и медленно продвигающийся, чуть слышно шурша шинами по песку. Великолепный мотор работал совершенно бесшумно и бие-ние его клапанов скорее угадывалось, чем слышалось ухом. Внимательно посмотрев во все стороны и заглянув даже в заднее окошечко, в которое были видны только отдаленные, едва мерцающие огоньки Норвича, и убедившись, что кругом совершенно пустынно, Вилкинс несколько увеличил

скорость. Дорога была едва различима и ему приходилось до боли в глазах всматриваться вперед. Понятно, в таких условиях было бы совершенно естественным включить свет в фонарях автомобиля, но Вилкинс не только не сделал этого, но даже выключил и задний красный «стоп-сигнал». Необычность поведения Джона Вилкинса еще более усугублялась тем фактом, что ехал он отнюдь не по Лервикской дороге, как должен бы был ехать, но в совершенно противоположном направлении.

— Этот проклятый туман мог бы продержаться еще и сегодня, — подумал мистер Вилкинс, но недовольство туманом вскоре было вытеснено сознанием отлично удавшегося предприятия. — Черт возьми! Все вышло, как по нотам! Без малейших затруднений и непредвиденных случайностей!

Поток возбужденных и радостных мыслей совершенно залил все существо Вилкинса, и он вынужден был сделать над собой усилие, чтобы не запеть какую-нибудь разухабистую мелодию... — Теперь — все можно считать законченным! Он победил в этой хитрой борьбе, требовавшей столько осмотрительности и выдержки, настойчивости и хладнокровия! — Вилкинс хлопнул ладонью по лежавшему рядом портфелю и еще немного прибавил скорость. «Рольс-Ройс», бесшумно ползущий большим черным жуком по пустынной дороге, мягко качнуло и песок зашуршал громче.

— Дьявольски ловкая выдумка была с этим календарным листком! Даже этот проныра Конвэй остался с носом при всех своих подозрениях! Впрочем, он может попытаться утешиться с Пат, которая что-то грустит.

Если бы мистер Вилкинс знал, что как раз в эту минуту от густых зарослей сосняка отделилась тень другого черного жука, которая направилась, сохраняя значительную дистанцию, вслед за черной тенью «Рольс-Ройса», и что тень эта была не чем иным, как «Плимутом» «пронеры Конвэя», едущим также с потушенными фонарями, — его приподнятое настроение несомненно сменилось бы каким-нибудь иным ...

Но мистер Джон Вилкинс не знал и не подозревал ничего подобного и продолжал осторожно ехать, пока, после приблизительно получаса пути, не выехал на пустынное и мрачное скалистое побережье северной оконечности острова Энст у большой темной скалы, походившей своей формой на стиснутый кулак, которую Вилкинс не без труда разглядел в темноте.

Здесь он остановил автомобиль, вышел из него, одел теплое пальто и, взяв в руки свой портфель, принялся расхаживать по прибрежным камням, по временам пытливо всматриваясь в черную пустоту скорее угадываемого, чем видимого моря, дававшего о себе знать глухим грохотом разбивавшихся о камни валов.

Немного слева, далеко в море, по временам зажигались и гасли зеленые вспышки маяка на острове Рамблингс... Минуты текли за минутами, складываясь в часы. С течением их походка мистера Джона Вилкинса становилась все нервнее и порывистее... Несколько раз он нетерпеливо взглядывал на часы и бормотал ругательства... Но черная пустота ночи не нарушалась ничем... Ничего не происходило и ничего не появлялось, что могло бы успокоить начинавшего терять терпенье Вилкинса...

В это же время, несколько поодаль, за большим камнем, за который заехал «Плимут», произошел обмен короткими репликами между двумя теньями, наблюдавшими за Вилкинсом из-за камней.

— Вы выкинули отличную штуку!.. — тихо сказал хриловатый голос полковника Нортон.

Ему отвечал такой же приглушенный голос мистера Ричарда Конвэя:

— Кажется... Мистер ученый может ждать вплоть до самого рассвета ...

Оба голоса приглушенно засмеялись и вновь все стихло.

Мистер Джон Вилкинс, между тем, окончательно начал терять терпение... Он залезал в автомобиль, снова выходил, прохаживался, садился и вновь вставал... Ночь действительно стала приближаться к рассвету.

— Это черт знает что такое! Что же делать теперь? — задавал он себе вопрос. — Неужели им помешало что-нибудь... Например, эта комета!.. Не все же относятся к ней, как Роллинг и он сам!.. Действительно — может прилететь, но может и нет... Но они... там... могли посчитать дело бессмысленным и оставить его расхлебывать всю эту кашу. А каша может оказаться очень горячей!..

Усевшись снова в автомобиль, Джон Вилкинс вынул известный календарный листок и, как бы желая еще раз уверить себя в том, в чем был и так совершенно уверен, поднес его к зеленому призрачному свету, которым была освещена приборная доска... Он увидел совершенно четко напечатанную крупным жирным шрифтом цифру «29 сентября»...

— Нет, все правильно! Сегодня именно двадцать девятое... Что же за черт?!

Однако, ждать дальше было опасно. Через полчаса начнется рассвет, и ему совсем не хочется, чтобы его увидели в этот час на этом побережье...

Теперь Вилкинса стала бить нервная дрожь. Он подумал, что сейчас он ни на что не годен и должен успокоиться и отдохнуть. Роллинг вернется не раньше послезавтра, а до этого времени он что-нибудь успеет придумать... В 10 часов утра он должен сменить ассистента в лаборатории и тогда сумеет положить обратно в сейф так ловко вынутые оттуда бумаги, содержавшие то главное, что было целью его многолетних трудов и вождений.

Теперь портфель жег его руки... Хорошо еще, что ему пришла в голову счастливая мысль вырезать кислородной горелкой не дверцу сейфа, а отверстие в задней стенке... Ассистент пока этого не заметит, а Роллинг... Если приедет Роллинг, ему придется придумать какую-нибудь научную сказку о том, что они ему срочно понадобились для непредвиденно осложнившейся работы... Да, но Роллинг приедет, удивленный и взбешенный фальшивой депешей, узнав, что никто его не вызывал...

Голова Джона Вилкинса окончательно закружилась. Он попал сам в поставленную им же ловушку. Такого исхода

дела он не мог предвидеть... Он не мог рассчитывать на то, что его обманут, предадут, оставят погибать здесь, в этой идиотской стране, его, кто столько раз рисковал своей шкурой... Вилкинсу стало ясно, что он должен только скрыться... Исчезнуть, испариться, улетучиться... Иначе... Он почувствовал, как воротничок туго сжал его шею, и судорожно повел головой. Но скрываться сейчас — невозможно. Если он не явится в 10 часов сменить ассистента, тот подымет тревогу, и его схватят сейчас же, где бы он ни был. Нет, Джона Вилкинса еще не одолели, он еще поборется... Он проведет свое дежурство и, подготовив за это время перемену своей внешности, улизнет завтра вечером, когда ассистент сменил его. Тогда в его распоряжении будет целая ночь, а за эту ночь можно многое сделать... Только бы не вернулся раньше времени Роллинг!.. Тогда он пропал.

При мысли об этом Вилкинсу стало не по себе, и он с ожесточением нажал на кнопку анлиссера... Мотор всхрапнул, и «Рольс-Ройс», круто развернувшись, отправился в обратный путь... Чернильная чернота ночи едва приметно посветлела... Через несколько минут начался рассвет...

«Плимут» проводил «Рольс-Ройса» до самой лаборатории и, убедившись, что тот исчез в воротах, быстро отъехал под прикрытие сосняка на вершине холма, бывшего ему убежищем и наблюдательным пунктом для его седоков, здесь же выработавших дальнейший план операций.

— Так, — довольно потирая руки, сказал рыжеусый полковник Нортон, — теперь мы знаем место и можем предполагать, что там должно произойти. Вы мне положительно нравитесь, сэр!..

— Не арестовать ли немедленно этого негодяя? — подал голос мистер Конвэй.

— Вот это уже мне не нравится.. Дилетанты — остаются дилетантами! Ну, вы арестуете его... А дальше? У нас есть укрепившиеся подозрения, и только. А улики? Где улики, сэр, я вас спрашиваю? Почтенный ученый хладнокровно заявит вам, что он предпринимает ночные прогулки по побережью для укрепления здоровья ... А его сообщников мы можем этим спугнуть; мы не знаем, как действует у них

связь. Надо полагать — совсем неплохо, если вспомнить, как быстро они заинтересовались вами и подослали к вам того жулика... Нет, сэр, мы его арестуем, это бесспорно, но не теперь. А теперь, вы меня моментально доставите вашим авто в Лервик, мы как раз успеем на утренний паром на остров Йелл, а сами вернетесь на это самое место как можно скорей и не будете ни есть, ни пить, ни тем более спать, а только следить во все глаза за этим домом и его воротами, ни на секунду не отрывая от них взгляда. Если он выедет — отправляйтесь в погоню, и не задумывайтесь в случае нужды применить в дело свой пистолет... Понимаете вы меня, сэр? К вечеру я постараюсь прибыть к вам на подмогу, но не уверен в этом, поэтому на вас ложится очень важная часть операции. А теперь — гоните в Лервик, сэр!..

Если бы мистер Ричард Конвэй мог предполагать, какие последствия будет иметь его затея с подменой календарного листка за 30 сентября — листком за 29, он едва ли решился бы осуществить ее, но это обстоятельство, как и целый ряд других в этой необыкновенной истории — могло бы роковым образом изменить историю человечества.

Глава XII

СУБМАРИНА ПОЯВЛЯЕТСЯ У БЕРЕГОВ ОСТРОВА ЭНСТ

Северный берег острова Энст в ту ночь, когда на нем должен был бы стоять Джон Вилкинс, если бы Конвэй своей выдумкой не спутал его игры — был абсолютно пустынен. Бесформенные скалы, круто ниспадавшие хаотическим каскадом к морю, казались темными призраками, столпившимися в тревожном безмолвии ночи. Весь день шел мелкий, холодный дождь, но к вечеру ветер разогнал тучи и над островом Энст повисло звездное небо. Между двумя крайними звездами хвоста ковша «Большой Медведицы», четко вы-

рисованной на фоне менее ярких звезд, горела яркая белая звезда, которой еще 2 недели назад там не было, и которую напрасно было бы искать на всех звездных картах...

В 500 метрах от берега, на черной, с кое-где белеющими разводами пены, волнующейся поверхности моря появился темный предмет, походивший на палку с набалдашником, медленно высовываемую кем-то из глубины. Палка некоторое время оставалась настороженно-неподвижной, но затем быстро пошла вверх... Вслед за ней показалась темная грузная масса, раздвинувшая волны и замершая, легко покачиваясь. Послышался лязг металла, какая-то осторожная возня, и низкий голос проговорил на языке, отнюдь не бывшем английским языком:

— Координаты верны?

— Так точно. Мы на траверсе маяка Рамблингс, — ответил тенор, — 5 румбов справа, по курсу, видны его сигналы: три зеленых вспышки с малыми интервалами.

— Все в порядке. Приготовить резиновую лодку к спуску.

— Есть приготовить резиновую лодку к спуску...

— Ровно через 3 минуты подать сигнал на берег и следить за ответом.

Несколько теней замечались у возвышения и через 3 минуты чередующиеся длинные и короткие вспышки прорезали черноту ночи.

— Ответа нет.

— Чертовски странно!.. Он должен был бы ждать нас... Попробуйте еще...

Вновь серия направленных световых сигналов метнулась к берегу. На этот раз ответ не заставил себя долго ждать, хотя этот ответ и был несколько иного свойства, чем могли ожидать разговаривающие... Два ослепительно ярких световых луча, возникшие в двух различных местах у берега, нестерпимым для глаз, привыкших к темноте, светом залили сталисто-серое тело субмарины, невысокую башенку и фигуры застывших от неожиданности людей на ее мостике... Следом к ним присоединились три новых световых конуса прожекторов со стороны моря... Стало светло как днем...

Субмарина была видна как на ладони.

— Проклятие! Все вниз!.. Драить люки! Погружение!...

Но погружаться было поздно... Взятая в кольцо 5-ю истребителями субмарина успела только открыть кингстоны своих цистерн... Вода с глухим шумом рванулась в них бурным потоком, но со всех сторон замелькали вспышки и глухо захлопали выстрелы, отдаваясь многократным эхо в скалах острова... Лопочущий, захлебывающийся звук летящих снарядов на мгновение коснулся слуха людей, только что взявшихся за винты люка, и все покрылось сплошным грохотом...

Резко рванули тишину воздушные разрывы, с шипением и свистом взлетели водяные столбы вокруг, искрясь в свете прожекторов, и несколько снарядов накрыли субмарину прямым попаданием.

К небу метнулся раскидистым деревом огонь, пар и дым, и всего лишь через несколько секунд на волнующейся поверхности моря не осталось ничего. Еще через некоторое время большие жирные, маслянистые пятна отметили водяную могилу подводного судна. Стоявший рядом с капитаном на командном мостике миноносца «Питт» плотный человек с красным лицом и рыжими усами потер руки.

— Неплохо сделано, капитан! Ваши ребята умеют стрелять. Не выслать ли шлюпку, подобрать, возможно, уцелевших...

— Если вы имеете в виду находившихся на этой лодке, полковник Нортон, то за ними придется высылать шлюпку в ад, ибо туда, без сомнения, попадут эти прохвосты... Вы видели взрыв?.. У них все разлетелось в куски... Впрочем, завтра этим делом займутся водолазы, а мы теперь спокойно можем вернуться на базу в Лервик, где помянем их души за стаканом горячего пунша.

— Идиот! — внезапно громко вскрикнул собеседник капитана, хлопнув себя по лбу. — Осел! Дубина!

— Вы в своем уме, черт подери?! — обернулся капитан.

— Конечно же, нет... Капитан, немедленно мне шлюпку!.. Я должен быть на берегу как можно скорее... Я побегу

бегом и пусть лопается мое дурацкое сердце!.. Вы понимаете, капитан, ведь до Норвича каких-нибудь 20 километров, всего... Ведь этот мерзавец слышал вашу канонаду и понял все... А там остался только этот мальчишка Конвэй... Шлюпку, шлюпку, капитан!..

Глава XIII

ПОСЛЕДНЯЯ ИГРА ДЖОНА ВИЛКИНСА

Полковник Нортон не ошибался, предполагая, что звуки артиллерийской стрельбы будут слышны в Норвиче. Они были слышны там...

Мистер Ричард Конвэй поступил в точности по инструкциям полковника. Отвезя его в своем «Плимуте» к утреннему парому на остров Йелл, он вернулся на свой наблюдательный пункт на вершине покрытого густым сосняком холма, с которого, оставаясь незамеченным, можно было держать в поле зрения здание лаборатории, ворота в стене и большой участок дороги. Он осторожно завел автомобиль в густые заросли, замаскировав его дополнительно наломанными ветвями и, вооружившись предусмотрительно принесенным сильным ночным биноклем, принялся наблюдать. Пустынность места была поразительной. За весь день по дороге не прошел ни один человек, не проехала ни одна телега и ворота в стене лаборатории оставались наглухо закрытыми. Иногда до его слуха доносились тонкие и пронзительные свистки локомотива узкоколейки, подведенной к Норвичу, и он видел казавшиеся игрушечными с большого расстояния вагончики, катившиеся по тонкой ниточке дороги.

За исключением этого, никаких признаков жизни не было заметно. Норвич словно вымер или мирно спал, забыв о всем том, что творилось во всем мире, в том числе и о «Патриции», угрожавшей этому маленькому городку, как и всем другим. Ужас перед неизбежным концом еще

не вселился в сердца людей, несмотря на то, что комету стало возможным видеть уже невооруженным глазом. Конечно, немалую роль играло и то, что в ветхозаветную тишину этой провинции все излучения цивилизации достигали в крайне ослабленном виде, и хлопоты властей, энергично готовившихся к встрече «Патриции», начинавшие уже в других местах волновать наиболее спокойных и иронически настроенных обывателей, здесь были почти неизвестны и никого не волновали.

— Удивительная публика, — думал мистер Конвэй, лежа на животе на разосланном плеле. — Будто эта штука их не касается... — Однако, право же, я сам — тип, достойный не меньшего удивления... Я охочусь за каким-то негодяем, который через несколько дней вспыхнет как спичка в адской температуре космической катастрофы, как я и сам... Я мечтаю о синих глазах его жены и о ее мягком, усталом голосе, я воображаю, что мне на руку то обстоятельство, что муж ее оказался этим негодяем, и что я... может быть, сумею получить ее симпатию... потом... Когда-нибудь! Когда? Где?... На том свете?

Мистер Конвэй почувствовал горький привкус во рту и постарался перевести свои мысли на другой предмет, что, впрочем, ему совершенно не удалось. Пат незримо была с ним, он разговаривал с ней и видел ее лицо в мельчайших подробностях... Ему не было скучно.

День прошел без каких бы то ни было происшествий. Спустилась ночь, и мистер Конвэй удвоил внимание, с которым он вглядывался в ворота лаборатории.

После полуночи он почувствовал утомление. Он переменял позу и даже заснул, но как раз в это мгновение где-то далеко на горизонте приметил внезапно засветившееся слабое зарево, и через несколько секунд до его слуха донесся приглушенный расстоянием, но отчетливый рокот артиллерийского залпа... Он вскочил на ноги.

Залп не повторился, но зарево не потухло.

— Попались!.. — вымолвил тихо мистер Конвэй. — Полковник был прав...

Но, внезапно осененный той же догадкой, что и полковник Нортон, в этот момент стоящий на мостике миноносца Королевского флота «Питт», он бросился к автомобилю, вскочил в него и выехал на открытое место. Не выключая мотора, он передвинул предохранитель своего пистолета на положение «огонь» и стал ждать.

Ждать мистеру Конвэй пришлось довольно долго. О том, что происходило в лаборатории, он не мог, к счастью для себя, даже догадываться, ибо это заставило бы его похолодеть от ужаса. Начиная уже предполагать, что мистер Джон Вилкинс либо не слышал залпа, либо реагировал на него иначе, чем он рассчитывал, Конвэй успокоился, и нервы его несколько отпружинились. Но следующие же минуты показали, что он был прав в своих первоначальных предположениях...

Ворота лаборатории распахнулись, и в свой бинокль мистер Конвэй ясно увидел выезжающий из них, уже знакомый ему, большой «Рольс-Ройс»...

По тому, с какой скоростью помчался он, только выехав на дорогу, Конвэй понял, что шофер «Рольс-Ройса» задаст ему трудную работу... Вздвогнув, как прищипоренный конь, «Плимут» рванулся за мчащимся без огней, как и вчера, «Ройсом»... Желая, чтобы преследуемый не заподозрил преследования, Конвэй так же не включая света и, впившись затекшими пальцами в рулевое колесо и стиснув зубы, вглядывался в маячивший впереди неясный контур.

Трудно сказать, знал ли Вилкинс, куда он направлял свой побег?.. Вернее всего, охваченный одной мыслью — скрыться, после того, как понял, что был самым жесточайшим образом проведен за нос, он ехал просто туда, где видел дорогу, стараясь как можно скорее увеличить расстояние между собой и лабораторией, откуда, несомненно, будут начаты поиски.

Хотя ночь не была такой непроницаемо черной, как вчера, и свет звездного неба позволял яснее различать дорогу, беглец не решался ехать слишком быстро, что позволяло Конвэй, напрягая внимание, держаться все время на приблизительно одинаковой дистанции. Но Вилкинсу

пришлось притормозить, объезжая выступ скалы, который круто огибала дорога... Случайно бросив взгляд через плечо назад, он увидел неосторожно приблизившийся «Плимут»... Дикий ужас сжал костлявой рукой горло Вилкинса... Совершенно потеряв контроль над собой, он включил третью скорость и нажал педаль газа... Мотор рассерженно зарычал и спинка сиденья толкнула Вилкинса...

С этого момента слежка превратилась в травлю... Ветер засвистел, обтекая кузова автомобилей, и какие-то неясные силуэты замелькали в стеклах, исчезая, будто кто-то сдергивал их рывком с поля зрения...

Эта бешеная езда в темноте — была игрой со смертью, стерегущей за каждым поворотом, выглядывающей из-за всякого камня на дороге. Продолжать ее дальше было совершенным безумием, и Конвэй включил полный свет в свои фонари... Белое пятно выхватило из ночной черноты кусок стелящейся дороги, и рельефно выделился мчащийся «Рольс-Ройс»...

Поняв, что терять более нечего, Вилкинс зажег и свой свет... Это дало ему возможность довести скорость до предела...

Они двумя сверкающими и храпящими апокалиптическими чудовищами пронеслись мимо строений какого-то поселка... Прошумели мимо ряды деревьев; у переезда с закрытым шлагбаумом «Рольс-Ройс» и не подумал остановиться и с оглушительным треском разнес деревянную штангу...

Несущийся за ним на расстоянии 100 метров «Плимут» едва успел выскочить из под колес налетевшего локомотива поезда Харольдсвик-Бурфиртс... Отсюда, вдоль берега какого-то заболоченного озера, пролегало ровное, как стрела, шоссе.

Здесь Вилкинс попытался выжать из своего мотора последние капли мощности, и через несколько секунд для Конвэя стали ясны преимущества фирмы «Рольс-Ройс» перед «Плимутом»... Преследуемый стал неуклонно уходить... Конвэй прибег к последнему средству и выключил глушитель... Мотор оглушительно взревел, и на какое-то время

Конвэю показалось, что дистанция перестала увеличиваться... Стрелка спидометра резко качнулась и накрепко примерзла к цифре 126... Колеса, казалось, не касались дороги, а скользили над ней... Но «Рольс-Ройс» уходил. Это было вне всякого сомнения.

— Уйдет... — сдавленно прошипел Конвэй, щуря слезящиеся от напряжения глаза. — Уйдет.

Тогда он вытащил из кармана свой «Браунинг» и три раза выстрелил, целясь в нижнюю часть автомобиля Вилкинса. Одна из пуль нашла свою цель и шина оглушительно хлопнула... Заднюю часть «Рольс-Ройса» тотчас же занесло и со скрежещающим треском он врезался в каменную тумбу и медленно, как бы нерешительно, перевернулся на бок... Раздробленный мотор, залитый бензином, вспыхнул...

Едва успев затормозить свой «Плимут», чтобы не налететь на опрокинутый горящий «Ройс», Конвэй поспешно подбежал к нему и при сильном, резко выделяющем тени, свете фонарей «Плимута», перемешивающемся с прыгающими отсветами горящего бензина, увидел лежащего в каком-то сломленном положении человека... Голова лежащего представляла сплошное кровавое месиво. Мистер Джон Вилкинс, эсквайр, — был мертв. Рядом валялся выброшенный силой толчка объемистый кожаный портфель.

Несколько секунд мистер Ричард Конвэй стоял, созерцая это зрелище, затем покачал головой и стал вытаскивать тело Вилкинса из горящих обломков. Однако, в заднем пассажирском отделении он заметил длинный, завернутый в толстый пушистый плед предмет, и сердце мистера Конвэя, пристукнув лишний раз, почему-то остановилось... Порывисто бросившись к этому предмету, оказавшемуся вторым человеческим телом, он поднял его и, положив на землю дрожащими руками, развернул плед.

Перед ним лежала связанная каким-то шнуром Патриция Вилкинс, вновь ставшая Патрицией Стаффорд... Ее волосы цвета золота были растрепаны, глаза закрыты и губы плотно сжаты в горькой болезненной улыбке...

Глава XIV

ПАТРИЦИЯ ПОВТОРЯЕТ ОШИБКУ МИСТЕРА РИЧАРДА КОНВЭЯ

Где-то высоко в небе, между звезд «Большой Медведицы», блестела новая яркая звезда — комета. Мистер Ричард Конвэй обратил свой взор к небесной тезке женщины, неподвижно распростертой перед ним, и призвал комету ускорить свой полет...

Заглушенное рыдание готово было вырваться из его груди, но мистер Конвэй был слишком мужественным человеком, чтобы даже в такой момент потерять власть над собой. Он склонился к Патриции и, всматриваясь в ее прекрасное лицо, прошептал:

— Только эти звезды знают, моя Пат, чем ты была для меня... Если бы ты осталась жить и я увидел бы в твоих глазах хотя бы искорку, вспыхнувшую для меня, — я сошел бы с ума при одной мысли о комете, которая должна забрать мою жизнь, могущую быть такой прекрасной рядом с тобой. Прощай, моя Пат!..

Здесь мистер Конвэй допустил некоторую сентиментальность ... Он прикоснулся губами ко лбу Пат...

Если мистер Конвэй и не был врачом, то, тем не менее, если бы он был менее возбужден и более внимателен с самого начала — он был бы избавлен от необходимости говорить эпитафии над живым телом...

И в конце концов мистер Конвэй заметил это...

Она дышала... Слабым, едва уловимым движением ее грудь поднималась и опускалась, и этого было достаточно, чтобы остановившееся сердце мистера Конвэя вновь застучало и стало бешено прыгать в грудной клетке...

Быстро разрезав узлы стягивающего ее тело шнура, он бережно перенес ее в свой «Плимут». К чести мистера Конвэя нужно сказать, что у него хватило рассудительности для того, чтобы не забыть и о толстом портфеле.

Через полчаса быстрой езды он уже подъехал к воротам лаборатории. Ветеран впустил его только после того, как увидел у него на руках бесчувственную Патрицию, после чего сокрушенно заохал что-то на тему о том, что весь свет сошел с ума.

Конвэй внес свою драгоценную ношу в знакомую уже ему комнату и, уложив на кушетке, разыскал коньяк и влил основательную его порцию сквозь стиснутые зубы Патриции. Этого простого средства оказалось достаточно, чтобы она пришла в чувство. Она не спросила, как это сделали бы 99 женщин из 100 после обморока: «Где я?»... Она открыла глаза и, увидев над собой склоненное лицо Конвэя, снова крепко зажмурила их. Ей показалось, что она уже умерла и видит виденье... Снова открылись ее синие, как васильки в золотой ржи ее разметанных волос, глаза... Лицо мистера Ричарда Конвэй было так комично перекошено жесточайшей тревогой, что Пат слабо рассмеялась...

— Вы оживаете, наконец... Боже, какое счастье!.. — вырвалось облегченным вздохом у Конвэя.

— Оживаю. Но стоит ли это делать? — улыбнулась Пат, пытаясь приподняться на кушетке. — Ведь скоро нам всем придется безнадежно умирать...

Мистер Конвэй опустился на колени перед кушеткой и безмолвно припал жесткими и холодными губами к маленькой и нежной ладони ее слегка дрожащей руки... Некоторое время длилось это молчание. Обоим не хотелось нарушать его словами. Но, внезапно вспомнив последние события, Пат резким движением выпрямилась и села ...

— Господи! Но скажите же, его удалось спасти? Он жив?..

— Он умер, Патриция, — тихо сказал Конвэй, — это лучшее, что он мог сделать; он избавил других от необходимости его умертвить...

— Что вы говорите? О ком вы говорите?

— О вашем бывшем муже, Патриция. О Джоне Вилкинсе.

— Умер?! — со страданием в голосе выговорила она и закрыла лицо руками. Когда она отняла их, лицо ее было смертельно бледным и на губах отпечатался след закусив-

ших их зубов.

— Не называйте его моим мужем никогда!.. Я не хочу знать, при каких обстоятельствах умер этот человек. Я наказана за свое легкомыслие. Но теперь я хочу забыть о нем и о том, что была его женой... Я спрашивала об этом юноше-ассистенте... Он жив? Удалось его спасти?

— Почему бы ему умирать? Вероятно, он дежурит в лаборатории.

Глаза Патриции широко раскрылись и в них Конвэй заметил испуг...

— Но ведь Вилкинс убил его... Роллинг здесь?..

— Роллинга нет, — резко выпрямляясь, проговорил мистер Конвэй, — расскажите все.

Помолчав, она сказала:

— Поведение Вилкинса было более чем подозрительным в последние дни, Конвэй... Когда же он услышал какие-то выстрелы, он опрометью бросился в машинный зал, где дежурил ассистент... Я пошла за ним, предполагая, что там что-то случилось... Открыв двери, я увидела ассистента лежащим на полу в луже крови и Вилкинса, вынимающего бумаги из вскрытого сейфа. Я поняла тогда все и бросилась к нему... Он ударил меня и я потеряла сознание...

Мистер Конвэй скрипнул зубами и лицо его исказилось. По этой гримасе можно было судить, что Вилкинс действительно сделал самое лучшее, что мог, разбившись в автомобиле...

— Я думаю... — начал он, но Патриция перебила его:

— Если ассистент мертв и Роллинг отсутствует, это значит, что у аппаратов никого нет...

Конвэю моментально припомнилось все, что ему говорил о своих работах Мэттью Роллинг... Только теперь они обратили внимание на то, что обычное пение трансформаторов слышалось значительно громче, и даже можно было ощутить какую-то вибрацию во всем строении.

Они вдвоем быстро сбежали с лестницы и вошли в лабораторию. Мистер Конвэй тотчас же увидел труп ассистента.

— Ну, ему уже ничем не помочь, — сказал он, притронувшись к успевшему застыть телу. — Но процесс оставался целую ночь без наблюдения, — многолетние труды Роллинга могут пропасть, если я его верно понял... — Он окинул взглядом лабораторию и был потрясен грандиозным зрелищем гигантских машин, приборов, спиралей, изоляторов, бесчисленных циферблатов и стрелок. Здесь гудение слышалось громче и вибрация ощущалась сильнее. — Нужно, по крайней мере, остановить процесс. Вы знаете, как выключить ток?

— Нет. Но не притрагивайтесь ни к чему. Здесь каждый предмет может быть насыщен миллионами вольт... Мне приходилось слышать...

— Но я должен попытаться... Труды Мэттью не должны пропасть, — проговорил мистер Конвэй, направляясь к большому распределительному щиту.

— Дик! Ради Бога!..

Мистер Конвэй вздрогнул и остановился, как вкопанный... Пат не заметила даже того, что имя мистера Ричарда Конвэя, при виде грозящей ему опасности, уменьшила до «Дика», но мистер Конвэй заметил это и вспомнил свою подобную оговорку в беседе со старым профессором Стаффордом... Он покраснел и опустил глаза.

— Хорошо. Подождем Роллинга, — сказал он. — Как бы действительно чего-нибудь не напортить...

И с притворным интересом мистер Конвэй стал рассматривать сложное оборудование лаборатории, где теперь совершался загадочный процесс расщепления атома и пролагались пути к овладению тайной внутриатомной энергии, хотя в данный момент все циклотроны и атомные башни мира интересовали его значительно меньше, чем одно короткое слово, сорвавшееся с уст вдовы Джона Вилкинса.

В это время, покрывая жужжащие звуки, издаваемые аппаратами, по всему зданию прозвучали резкие звонки тревоги. Мистер Конвэй вопросительно поглядел на Пат.

— У входа случилось что-то, — сказала она. — Это сторож.

Они вышли из лаборатории, прикрыв труп ассистента и плотно закрыв за собой двери.

У входных ворот разыгрывалась баталия между бравым ветераном и полковником Нортонном... Они стояли? разделенные массивным железом ворот, и метали друг в друга угрожающие взгляды через узкое окошечко... Оба кричали во все горло. Полковник требовал, чтобы его впустили, ветеран — чтобы пришелец убирался к черту. При этом оба с самым решительным и грозным видом потрясали оружием: ветеран своим самопалом, полковник — весьма внушительным пистолетом.

Конечно, мистеру Конвэю едва ли удалось бы принудить ветерана оставить поле битвы за своим противником, но одного слова Патриции оказалось достаточным, чтобы Сезам мгновенно открылся и полковник предстал перед ее глазами.

— Я рад приветствовать вас, миледи, но не осудите старого солдата, если я прежде всего поговорю, сугубо конфиденциально, с мистером Конвэем, — сказал, едва отдышавшись, полковник.

— В конфиденциальности нет никакой нужды, полковник, — отозвался Конвэй. — Все окончено. Эпилог драмы уже сыгран.

— Мне, кажется, господа, что женщине лучше не присутствовать при разговоре о мужских делах, — слабо улынувшись полковнику, ответила Патриция. — Пройдемте в комнаты. Там вы сможете спокойно побеседовать.

Полковник галантно поклонился и, пригладив свои растрепанные усы, направился вслед за ней.

Остаток ночи прошел во взаимных расспросах и рассказах. По-прежнему тонко пели трансформаторы и из лаборатории доносилось тревожное и нервирующее гуденье. К рассвету полковник, утомленный тревожными ночами и успокоенный сознанием того, что его миссия окончена, уснул.

Пат сидела неподвижно, откинувшись на спинку кресла, с закрытыми глазами. Эта женщина была слишком горда, чтобы дать заметить другим смятение своих чувств... Но по

ее спокойному бледному лицу иногда пробегали тени, наблюдая которые, мистер Конвэй беспокойно двигался в своем кресле.

Глава XV

МИСТЕР РОЛЛИНГ ПРИБЫВАЕТ СЛИШКОМ ПОЗДНО

День пришел пасмурный и серый. Пелена низких, тяжелых туч застлала небо, как бы приготовившись защищать землю от грозящей ей из глубины Вселенной опасности. Подойдя к окну, мистер Конвэй неподвижным взором уставился на видимый из него унылый ландшафт. Через несколько минут до его слуха донесся гудящий звук иного тембра, чем гуденье, слышимое из лаборатории. Гуденье это то нарастало, то вновь спадало и будто удалялось. Обратив глаза к небу, мистер Конвэй увидел аэроплан, настойчиво кружащийся над зданием лаборатории.

Выйдя во двор, мистер Конвэй продолжал наблюдать за его эволюциями. Своим поведением пилот, казалось, старался привлечь внимание обитателей лаборатории. Маленький, вертлявый аппарат, в котором Конвэй без труда признал быстроходный военный истребитель типа «Спитфайр», то поднимался ввысь и круто пикировал на дом, то с оглушительным грохотом мотора проносился параллельно земле, едва не цепляясь за протянутые на ажурных мачтах провода высокого напряжения. Наконец, он сделал несколько попыток приземлиться на лежащей перед воротами песчаной низменности, но разбросанные там и сям отдельные деревья и камни делали это предприятие, видимо, слишком рискованным... Он поднялся и сделал большой круг. Когда «Спитфайр» вновь низко пролетел, мимо Конвэя что-то просвистело, и небольшой предмет шлепнулся невдалеке на землю.

Конвэй поднял его. Предмет оказался карманными часами, плотно завернутыми в лист бумаги. От часов, естественно, осталась исковерканная масса колесиков и пружин, но на листке бумаги, в который они были завернуты, Конвэй заметил несколько слов. Невообразимыми каракулями там было написано: «Если случилось что-нибудь важное и мое присутствие необходимо, стань посреди двора, подняв руки вверх. Роллинг».

Конвэй немедленно поднял руки, ибо считал, что важных событий произошло достаточно. Заметив это, «Спитфайр», круто развернувшись, взмыл ввысь, и вскоре от него отделился темный предмет, стремительно понесшийся вниз... В нескольких сотнях метров над землей раскрылся парашют и выпрыгнувшего человека закачало на стропах. «Спитфайр» же как то неуверенно метнулся в сторону, клюнул носом и, опережая парашютиста, ринулся к земле...

Из недалекого леска, где он упал, прогрехотал взрыв, и высоко над землей поднялся столб черного дыма...

Мистер Конвэй побежал к снижающемуся парашютисту и едва не поймал в свои объятия Мэттью Роллинга.

— Фу, черт! — чертыхнулся, поднимаясь на ноги и выпутываясь из парашюта, Роллинг. — Теперь мне придется отвечать перед военным судом за загубленный истребитель.

Мистер Конвэй только рукой махнул: «Какие уж теперь суды...»

— Что случилось? — пристально взглянув в глаза Конвэю, спросил Роллинг.

Мистер Конвэй кратко сообщил все, что знал сам.

— Предчувствия меня не обманули!.. — и Роллинг быстро побежал к зданию лаборатории, увлекая Конвэя. Уже на бегу он отрывисто сказал:

— Меня никто не вызывал... Телеграмма была подложной... Оставалось предположить, что меня надо было удалить из лаборатории... Чтобы скорей вернуться, я выпросил истребитель. Я знал, что должно что-то произойти, но никак не думал, что здесь замешан Вилкинс... Итак, он умер? — обернулся он на бегу к Конвэю.

Тот кивнул головой и заметил в глазах Роллинга какой-то странный вспыхнувший огонек, которому не придал, впрочем, значения. Его только слегка удивило, что Роллинг ни разу не упомянул о своих машинах.

Вбежав в машинный зал, Роллинг прислушался к густому, как бы подземному, гудению; прежде всего, приподнял покрывало, которым было закрыто тело ассистента, затем обратил внимание на вырезанную стенку сейфа и только после всего этого подошел к гудящей атомной башне... Поглядев на приборы, надавил несколько кнопок и заглянул в какое-то стекло. Легкий возглас вырвался у него при виде мечущихся в беспорядке на как бы фосфоресцирующем экране огненных точек, которые роились, как комары в летний вечер...

— Все придется начинать сначала, — сделав безнадежный жест, сказал он, ни к кому не обращаясь. — «Камеру Файмонвилла» надо было отключить несколько часов назад и снизить интенсивность бомбардировки. Процесс нарушен... Теперь ничего другого не остается, как прекратить его...

Мистер Ричард Конвэй наблюдал, как он, подойдя к большому шальтеру, резким движением дернул его. Вспыхнула большая голубоватая искра. Роллинг постоял, прислушиваясь, затем недоуменно повел головой и сказал: «Что за чертовщина?..»

При выключенном шальтере «камеры Файмонвилла», регулирующей облучение лучами Милликэна, назойливое и тревожное гудение только несколько изменилось по тону, но не прекратилось... Роллинг стремительно подбежал к гудящей «атомной башне» и, вновь взглянув в окуляр, несколько секунд не мог оторвать глаз от него... На экране образовался сгусток из огненных точек, сиявший режущим глаза блеском... Это было нечто совершенно непредвиденное и непонятное...

Взглянув случайно на прибор, измеряющий напряжение магнитного поля в камере бомбардировки, Роллинг увидел, что стрелка его стоит неподвижно, упершись в стопорный штифтик... Напряжение превысило то, которое мог

отметить прибор... Резким скачком Роллинг бросился к распределительному щиту у трансформаторов, и из отключаемых шальтеров засверкали зловещие зеленые искры... Но гудение не прекратилось, хотя электрическая линия, питающая всю установку, была уже отключена...

— Ах, — слабо вскрикнул мистер Конвэй, заметив, что из какого-то аппарата, походившего своими членистыми ответвлениями на огромного осьминога, вдруг повалил желто-зеленый, удушливый дым... В воздухе запахло озоном...

Роллинг, тем временем, был уже вновь у окуляра и ему перехватило дыхание... Теперь огненный сгусток выбрасывал из себя золотые искры, стремительно несущиеся к краям экрана... Страшная догадка мелькнула в его лихорадочно работающем мозгу, и эта догадка не замедлила превратиться в уверенность...

Стараясь сохранять спокойствие, он подошел к мистеру Конвэю и положил слегка дрожащую руку на его плечо...

— Я наделал чепухи, старина, — сказал он, проведя другой рукой по своему влажному лбу. — Теперь я уподобился тому магу, который вызвал духа-джинна, но не умеет с ним управиться и не знает заветного слова, которым можно обратно загнать его в бутылку...

На вопросительный взгляд мистера Конвэя, он объяснил свои слова:

— В нашей «атомной башне» — произошла непоправимая штука... Следствием отсутствия своевременной регулировки процесса, над которым я работал — явилось то, что начался самопроизвольный распад атомных ядер... Каких ядер, я не знаю.

— И чем это грозит? — почуяв недоброе, осведомился мистер Конвэй. — Пожаром? Взрывом? Гибелью аппаратуры?..

Роллинг нервно рассмеялся:

— Пожаром?! Пожалуй... Только таким пожаром, какого еще не было на земле... Впрочем, я ничего не знаю... Наука здесь кончается... Мы сталкиваемся с порвавшей свои чудовищно крепкие, извечные оковы материей... Как она будет вести себя — наука не знает.

— Значит, все это взорвется, как атомная бомба, что ли?
— невольно поддаваясь испугу, спросил мистер Конвэй.

— Как атомная бомба может взорваться весь земной шар... Как одна огромная атомная бомба диаметром в 8.000 миль... Всеми своими атомами взорваться, в том числе и теми квадрильонами атомов, из которых состоит твоё тело...

Мэттью Роллинг сел, опустив голову на руки. Атомная башня теперь гудела, как рой растревоженных пчел, и сами стены и пол здания, казалось, вибрировали, будто уже сейчас готовясь распасться на атомы.

— Ради Бога, не говори ничего Пат, старина, — с видимым усилием выговорил Мэттью Роллинг.

— Вы напрасно думаете, что я упаду в обморок, Мэттью, — раздался женский голос и, одновременно вскинув головы, они увидели Патрицию, стоящую в дверях рядом с полковником Нortoном.

Роллинг вновь опустил голову на руки.

— И подумать только, что я всему виной, — прошептал он.

— Вспомните о летящей «Патриции», — сказала Пат, ласково кладя руку на его голову.

— Наплевать, сэр!.. — подал голос полковник Нортон.
— Во-первых, вы хотели не этого, а во-вторых, миледи права... День раньше, день позже ...

Мистер Ричард Конвэй смог только подумать: «Какие люди! С такими не страшно и умирать!..»

Глава XVI

БУНТ АТОМОВ

А между тем, умирать было страшно... И это почувствовали все обитатели лаборатории в следующие же наступившие дни, во время которых Роллинг проделывал бесчисленные эксперименты с гудящей все сильнее, как бы от распиравшего ее изнутри колоссального напряжения, «атом-

ной башней»... После каждого такого эксперимента он возвращался и на вопросительные взгляды только качал головой. Он стал рассеян и часто задумывался, что, впрочем, решительно никого не удивляло, так как каждый понимал, что задумываться ему было над чем.

Угроза со стороны «Патриции», которую все приняли фаталистически, теперь еще более отдалилась и стала как бы нереальной, когда рядом, под боком, росла новая, еще более ужасная. И это понимал каждый, даже не сведущий в атомной физике... Было ясно, что эта новая опасность неотвратима, и если атомы стали самопроизвольно распадаться, то этот процесс, захватывая все новые и новые частички окружающей материи, должен неминуемо привести к какому-нибудь апокалиптическому катаклизму... В случае же «Патриции» — мог быть элемент надежды, базирующийся на сомнениях в правильности расчетов и вычислений ученых.

А «Патриция» — все летела и летела к роковой точке встречи. Она выросла до размеров звезды первой величины и в последние дни заблестела ярче всех остальных светил на темном бархате неба. Между этими двумя угрозами, как между поднятым молотом и наковальней, копошилось 2 миллиарда живых человеческих существ...

Обитатели лаборатории вели тревожную жизнь приговоренных к смерти. Все как-то притихли и стали серьезнее, хотя давно уже примирились с перспективой всеобщего конца. Пат была грустна, и мистеру Конвэю трудно было понять, что именно придает выражение грусти ее лицу и усиливает и подчеркивает обычную горькую складку у ее губ: близкий конец, только что пережитая личная трагедия или же еще что-то, о чем мистер Конвэй боялся даже мечтать, подолгу не спуская с нее обожающего взора. Но теперь мистера Конвэя впервые посетил страх перед смертью... И он все чаще роптал на судьбу, безжалостной рукой комкающую его хрупкую надежду; ибо как ни был он скромн, но понимал, что короткое слово «Дик» — не могло быть ничего не значащим.

Что касается полковника Нортонa, то первое время он выглядел самым жизнерадостным, шутил, немного даже браваду опасностью, и видом своим подбадривал остальных, но, уладив все формальности с полицией по поводу одного разбитого автомобиля на дороге и двух трупов и составив доклад по начальству обо всех происшествиях, по-немногу притих и он, продолжая жить в лаборатории, хотя многие важные дела настоятельно требовали его присутствия в Лондоне.

Даже старый одноногий ветеран выглядел несколько пришибленным, инстинктивно чувствуя недоброе, хотя спрашивать ни у кого и ни о чем не решался.

Однажды Роллинг позвал всех в машинный зал и, войдя в него, все были поражены царившим там разгромом... Все машины и аппараты были отключены и всевозможные приборы валялись там и здесь бесформенными кучами... Ноги путались в беспорядочно перепутанных проводах. Атомная башня стояла одиноко, возвышаясь своей громадой под аркой магнита, холодно поблескивая блестящими частями, и казалось, что внутри ее работает мощный мотор... Все поочередно заглянули в окошечко в толстостенной свинцовой камере, где разгорался бунт крошечных атомов, отказавшихся повиноваться человеку и грозивших теперь всему человечеству... Только через очень темные стекла можно было глядеть в это окошечко, ибо сила светового излучения была такова, что ее не выдержал бы глаз.

— Вы видите материализованный сгусток энергии, которой достаточно для того, чтобы смести с лица Земли весь Норвич, как была сметена Хирошима, — сказал негромким голосом Роллинг. — И концентрация и конденсация этой энергии непрерывно и очень быстро растет за счет разрушения все новых и новых ядер...

— Ядер чего же, наконец?! — спросил мистер Конвэй.

— На этот вопрос я ответить не могу. Может быть, даже ядер кислорода или водорода, или еще какого-нибудь элемента, содержащегося в обычном воздухе... Может быть, чего-нибудь другого... Может быть, меди или железа...

— Но почему здесь, рядом с этим сгустком энергии, как ты его называешь, — продолжал свои расспросы мистер Конвэй, — почему здесь не чувствуется никакого повышения температуры?

— Энергия, которую мы видим, — находится в состоянии, до сего времени неизвестном нашей науке... Как вода может быть в различных физических состояниях — твердом, жидком или газообразном, так и энергия имеет несколько состояний. До сих пор эта энергия еще не сублимировалась ни в теплоту, ни в свет, ни во что другое. Момент этой сублимации и будет роковым, ибо тогда энергия произведет свою разрушительную работу.

— И когда этот момент наступит? — довольно безразлично поинтересовалась Пат.

— Ни когда он наступит, ни под влиянием чего до сих пор еще не наступил, ни почему он наступит — ни на один из этих вопросов никто из людей ответить не сможет...

— Весело... — буркнул полковник, все время молчавший. — А скажите, сэр, нам в этой комнате не грозит опасность от радиоактивности? Помнится, я читал, что это самая отвратительная штука...

— Пока не грозит, — быстро взглянув на стоявшую неподвижно, прислонившись к стене, Пат, ответил Роллинг. — Не грозит, ибо нас защищают толстые свинцовые стенки камеры, куда заключен этот сгусток. Кроме того, я обезопасил эти эксперименты одним изобретенным мною средством. Но повторяю и подчеркиваю — пока...

Все молчали, думая каждый по-своему, но об одном и том же. Роллинг, принудив себя улыбнуться, высказал вслух эти мысли:

— Итак, господа, мы имеем выбор... Умирать ли нам от радиоактивности, сгореть в сумасшедшей жаре, задохнуться ли без воздуха, распылиться при взрыве или быть расшибленными в лепешку свалившейся кометой... Такими богатыми возможностями, поистине, никто до этого времени не располагал ...

— Я предпочитаю просто застрелиться, — мрачно сказал полковник.

— И очень глупо, — нервно возразил мистер Конвэй, — я предпочитаю дышать до тех пор, пока мое дыхание не будет перехвачено посторонней силой ...

— Я попрошу вас, сэр, выбирать ваши выражения, — грозно уставился на него полковник...

Пат загадочно улыбнулась, а Мэттью Роллинг поспешил вмешаться, чтобы подавить в самом зародыше бунт человеческих нервов.

— Что касается до меня, то я предпочитаю просто позавтракать... Не правда ли, Пат?..

— Конечно, — ответила она, — вы заставляете вашу хозяйку краснеть за нерадивость, Мэттью. — И Пат, тряхнув своими золотыми кудрями, взяла об руку мистера Конвэя. — Может быть вы поможете мне в хозяйстве?..

Завтрак, впервые за много дней, прошел оживленно и почти весело.

На другой день прибыла группа старцев, вызванных Роллингом на «атомный консилиум»... Все это были ученые-физики, седовласые академики и профессора, лауреаты Нобелевской премии различных лет и обладатели громких ученых степеней, имена которых были гордостью и украшением науки. Они долго прохаживались вокруг гудящей все громче и напряженнее «атомной башни», прислушивались к ее голосу, глядели в окошечко, качали головами и обменивались длинными фразами, до такой степени насыщенными ученостью, что казались не английским языком... Наблюдая их, мистер Конвэй вспомнил профессора Стаффорда, выражающего полное удовлетворение тем фактом, что у него остается достаточно времени, чтобы точно определить угловую скорость летящей кометы, которая должна уничтожить всю планету... Так и эти ученые интересовались больше самим фактом, чем его последствиями. Мэттью Роллинг был, однако, практичнее и все время направлял их мысль на путь поисков метода, которым можно было бы обуздать взбунтовавшиеся силы. Ученые заперлись в одной комнате и несколько дней что-то высчитывали, чертили и спорили.

В один прекрасный день их научные занятия были прерваны самым неожиданным образом мистером Ричардом Конвэем, ворвавшимся как вихрь в их комнату и возбужденно выкрикнувшим:

— Атомная башня исчезла...

Роллинг, опережая других и едва не сбив с ног Конвэя, устремился в машинный зал... То, что он увидел там, походило на кошмарное сновидение... Атомная башня, в свинцовой камере которой до сего времени был заключен стусок энергии, действительно больше не существовала... Не существовало также огромного циклотрона его конструкции. Не существовало даже огромной, высотой в двухэтажный дом, железной арки электромагнита... Вместо всего этого на белом кафельном полу зала растеклась огромная лужа расплавленного металла, на поверхности которой, вздрагивая и пульсируя, как вздрагивает капля воды на докрасна раскаленной плите, точно вот-вот готовая сорваться с места и взлететь — лежало что-то... Это что-то, имевшее шарообразную форму и бывшее размером с яблоко, испускало свет, по сравнению с которым видимое солнечное сияние могло показаться не ярче простой свечи... Роллинг только успел заслонить руками глаза, как почувствовал пышащий из раскрытой двери, как от доменной печи, нестерпимый жар и разобрал запах дыма... В машинном зале загорелись все способные гореть предметы... Стремительно хлопнув двери, Роллинг закричал:

— Не теряйте времени... Бегите все как можно дальше!.. Взрыв может произойти каждую секунду!..

Ученые бросились врассыпную, теряя свои портфели и пенсне и поминутно спотыкаясь по пути к воротам... Пат оказалась, все же, только слабой представительницей прекрасного пола и, слабо ахнув, опустилась на руки подбежавшего к ней мистера Конвэя.

— Бегите же!.. — вновь крикнул им Роллинг.

— А ты?! — обернулся к нему Конвэй.

— Капитан не покидает корабля, старина. Беги, покуда есть время. Прощай...

— Тогда я остаюсь тоже... — решительно сказал мистер Конвэй.

— Болван! А она? .. — и Роллинг указал на Патрицию.
— Беги столько — сколько можешь пробежать.

— Роллинг, не будь ослом!.. — взмолился Конвэй, — твоя гибель не принесет пользы и ей... А живой — ты единственный, кто, может быть, что-то придумает...

Роллинг пробормотал сквозь зубы проклятие и они побежали вместе...

Конвэй нес на руках Патрицию. «Плимуту» пришлось еще раз сослужить важную службу.

Они, уложив Патрицию, уселись в него, и он рванулся, как зверь, спасающийся от погони, по направлению холма, поросшего сосняком. По дороге они подобрали полковника Нортон, ковылявшего ветерана-сторожа и нескольких запыхавшихся ученых мужей. На холме «Плимут» остановился, и все они, обернувшись, смотрели некоторое время на пылавшее как факел здание лаборатории. Сквозь желтоватые языки пламени по временам прорывался нестерпимо яркий блеск... Сильный ветер гнал клубы тяжелого дыма низко над землей и сгонял их в море, где они растекались серой, сплошной завесой...

— Чтoб черт побрал эту вашу энергию, сэр! — сказал полковник Нортон,

— Я бы хотел того же, — ответил за Роллинга мистер Конвэй, — только черт ее не возьмет...

Глава XVII

АТОМЫ НАЧИНАЮТ СВОЕ СТРАНСТВИЕ

Последнее время в «Львиной гриве» по вечерам не играли на бильярде. Несколько завсегдатаев, в том числе и доктор Макдуф, собирались сюда только для того, чтобы посидеть и потолковать о последних новостях, приносимых

радио, и обмениваться впечатлениями о комете, которая теперь росла и увеличивалась прямо на глазах.

В этот вечер доктор Макдуф забрался в «Львиную гриву» ранее обыкновенного и сидел, просматривая газеты, обычно с большим опозданием приходящие в Сэкс-Ярд, угрюмо бормоча что-то себе под нос. Почитав довольно долго, он оторвался от газет и взглянул на большие старинные часы, украшавшие большую залу: они показывали ровно семь часов.

— Сэм! — заорал доктор. — Почему, дьявол вас возьми, вы не зажигаете ламп?

Сэм показался в дверях и недоуменно уставился на доктора...

— Смею думать, доктор, что еще рано зажигать лампы.

— Какой черт рано!.. Уже семь часов...

— Но ведь еще совершенно светло, доктор, — пролепетал Сэм, в свою очередь взглянув на старинное украшение залы.

— Значит, ваши проклятые часы врут. — И доктор Макдуф вытащил свою луковичу. Она, как и стенные часы, показывала ровно семь.

— Тысяча чертей! Но ведь теперь в семь часов должно быть совершенно темно...

Несколько озадаченные, доктор и Сэм вышли на улицу, где застали уже небольшую группу людей, тоже заметивших некоторые ненормальности с часами, и, задрав головы, смотрящих вверх. Небо было светлым, как если бы солнце только что село, но имело не характерный красноватый отблеск вечернего неба, а было каким-то зеленоватым. Один край его был заметно светлее, как бы указывая место, где опустилось необычайное зеленое солнце.

— Почему, однако, вечерняя заря горит не на западе? — вопросительно произнес кто-то.

— Что вы имеете в виду, тысяча чертей? — обернулся к говорившему доктор.

— Запад у нас вон где, доктор, а эта заря на юго-востоке...

— Это в направлении Норвича.

— Это пожар, — подал мысль длинный Том. — Горит Норвич...

— В голове у вас пожар, — обрезал его доктор. — Разве пожары бывают зелеными?

— Комета летит, — истерически взвизгнул женский голос.

— Закладывайте дрожжи, Сэм... Мы поедем туда, — решил доктор.

По дороге к ним подсели еще несколько человек. Когда делегация Сэкс-Ярда добралась до Норвича, вернее, до холма, с которого открывался вид на Норвич, весь ее состав дружно, точно по команде, открыл рты и испустил удивленный крик...

Вся вершина холма была буквально запружена народом, и сдержанный гул голосов наполнял воздух.

Испуганное донельзя население Норвича покинуло свои дома и, захватив впопыхах кое-что из своего домашнего скарба, бросилось к этому холму, инстинктивно ища спасенья от неведомой опасности. Слышались женские причитания и плач детей. Зеленоватый, неживой свет, похожий на свет луны, но во много раз сильнее и ярче, освещал эту картину, бросая глубокие черные тени и придавая зловеющий вид окружающим предметам. Было светло как днем, и в небе извивались и полыхали ленты сияния, подобного полярному. Казалось, зеленовато-голубое солнце упало в котловину Норвича и лежало на дымящихся еще руинах бывшей лаборатории Мэттью Роллинга. Ожидали каждую секунду взрыва, но прошло уже несколько часов, а его не происходило. Атомный шар продолжал спокойно лежать на пепелище.

В толпе доктор Макдуф тотчас увидел своего бильярдного противника, стоявшего у автомобиля среди группы седовласых мужей профессорского вида.

— Добрый вечер, — протискиваясь к нему, крикнул доктор. — Что это за иллюминация?

Мистер Конвэй что-то ответил, чего доктор не расслышал. Однако, он не повторил своего вопроса, внезапно заинтересовавшись разговором в группе седовласых.

Мэттью Роллинг говорил профессору Джасперу Беггу, светилу атомной физики, некогда ученику знаменитого Резерфорда:

— Это единственное средство, которое хотя бы на время может обезопасить население этого острова... Другого я не вижу...

Профессор Бегг, видимо, не соглашался и возражал:

— Пока вы будете удерживать на привязи вашими магнитами этот атомный заряд, он будет расти и расти, увеличивая с каждым часом свою потенциальную мощность. Каждая лишняя минута до взрыва опасна, ибо чем позже произойдет он — тем будет ужаснее и разрушительнее...

— Но кто поручится, что взрыв этого атомного заряда будет подобным взрыву обычной атомной бомбы? Почему, профессор, вы не допускаете того, что, воздействуя на этот заряд извне — вы не ускорите до катастрофических пределов естественного процесса накопления энергии, совершающегося сейчас более-менее постепенно?

— Тогда оставьте его вовсе в покое, — начинал горячиться профессор. — Вводя дополнительные магнитные напряжения, вы тоже рискуете... Нет, я говорю вам, единственное средство — сбросить сюда обычную атом-бомбу, а может быть, и простую бомбу, чтобы как можно скорее заставить его взорваться.

— Но ведь это безумие — так рисковать!.. А оставить его в покое тоже нельзя. Удельный вес этой массы материализованной энергии, видимо, ненамного более воздуха, и первый же сильный порыв ветра сорвет его с места. Кроме того, могут сыграть роль случайные магнитные влияния, и тогда он пойдет путешествовать по всему острову... Последствия же такого путешествия...

Доктор Макдуф дальше не слушал. Он понял все. Внимательно следя за достижениями современной науки по газетам и журналам, он кое-что понимал в атомных делах. Дополнительных разъяснений ему не понадобилось и он обычным голосом созвал своих сэкс-ярдцев.

— Домой, домой, десять тысяч дьяволов! Там у нас есть добрые пещеры, где нам наплевать на эту проклятую шту-

ку... Домой, Сэм! Гоните, что есть духу, ваших окаянных кляч!

Делегация Сэкс-Ярда умчалась с криками и гиканьем.

К утру, наступившему совершенно незаметно с восходом солнца, часть толпы, стоявшей на холме, разошлась. Кое-кто, подобно сэкс-ярдцам, искал убежища в пещерах, кое-кто отважился вернуться домой. Многие теперь уже решили покинуть остров Энст и осаждали многочисленные поезда узкоколейки, идущие из Норвича в южном направлении и паромы на остров Йолл. Впрочем, южнее Харольдовика было много спокойнее, и жители пока не собирались покидать насиженных мест.

Патрицию соединенными усилиями мистера Конвэя, Роллинга и полковника Нортоня удалось отправить в Лондон с несколькими уехавшими учеными. Она долго не соглашалась покинуть друзей и только строгий окрик Мэттью, что бабам не место здесь, сыграл роль последней капли. Садясь в автомобиль, Патриция пожала всем руки и сказала:

— Может быть, это уже последнее прощанье... Мне хотелось бы встретить свою судьбу здесь, рядом со всеми вами, но идти наперекор всем я не могу... Будь что будет. Но все же, приезжайте скорее в Лондон...

Она поцеловала Мэттью Роллинга, который тотчас же отвернулся и занялся каким-то предметом, троекратно расцеловалась с полковником и слегка прикоснулась губами ко лбу склонившегося к ее руке мистера Конвэй, но явно не захотела встречаться с его взглядом. На ее длинных ресницах показалась предательская влага, но автомобиль уже тронулся и вскоре скрылся за деревьями. Каждый подумал, что, вероятно, это действительно последнее прощание. На сердце мистера Ричарда Конвэя будто навалили тяжелую могильную плиту ...

Оставшиеся мужчины устроили свое жилище в одной из глубоких пещер. Запасов пищи было достаточно, и под прикрытием миллионов тонн крепкого, скалистого грунта ощущалась даже некоторая иллюзия безопасности.

Прошло несколько дней. Клубок взбунтовавшихся атомов разросся до размеров большого мяча и выпускал нес-

терпимый для глаз, даже на большом расстоянии, золотисто-зеленый свет. Ночи совершенно исчезли с лица острова Энст и теперь заметно посветлели и для обитателей Мейнланда. Даже с далеких Оркенейских островов было видно огромное зарево... Гул, знакомый еще по лаборатории, пропорционально увеличился и, сидя в пещере, можно было слышать его, исходящего как бы из земных недр, что производило невероятно тяжелое впечатление.

Казалось особенно замечательным то, что с момента появления на острове шара осень будто отступила, и жители могли наслаждаться почти летним теплом, что, впрочем, никого не радовало, так как жар все усиливался и способные гореть предметы вспыхивали в радиусе до километра.

Мэттью Роллинг, уезжая, подолгу оставался в Бельмонте, где по целым часам не отходил от телеграфного аппарата, с кем-то совещаясь, отдавая какие-то распоряжения, у кого-то что-то прося, требуя, настаивая, предлагая...

На остров приезжали какие-то официальные лица, штатские и военные, глядели в специальные оптические приборы на огненное чудовище, качали головами, разводили руками и снова уезжали. День ото дня эти визиты все учащались, количество незнакомых лиц на острове Энст все увеличивалось и в воздухе все больше пахло чем-то значительным... Даже для постороннего наблюдателя могло стать понятным, что люди готовятся дать сражение взбунтовавшейся материи.

И день генеральной битвы наступил. Накануне было эвакуировано с острова все женское население и дети. С утра у берегов острова Энст появилась большая флотилия десантных судов, с которых высадились несколько дивизионов тяжелых танков. Танки имели несколько необычный вид: каждый из них нес на себе какое-то дополнительное сооружение в виде решетчатой башни, служившей опорой для огромного щита, густо оплетенного змеящимися проводами. Это были переоборудованные сверхбыстрым темпом на заводах Армстронг-Виккерс специальные магниты для борьбы с атомным шаром, которые должны были удержать его на месте невидимыми путами магнит-

ного притяжения.

Некоторое время они маневрировали, сходились, расходились и, издалека заходя, окружали плотным кольцом котловину, где лежало чудовищное произведение человеческого разума, вздрагивая и будто накапливая в себе бурлившую злобу и готовясь к отчаянному прыжку. Весь песок и камни на довольно большом расстоянии от центра, где лежал шар, были расплавлены и представляли собою жидкую массу, пузырившуюся и клокочущую, как извергаемая вулканом магма. Небо над котловиной Норвича все время полыхало полярным сиянием, оставаясь чистым над самым очагом, в то время как густые черно-зеленые, еще никогда не виданные людьми, тучи клубились везде по горизонту, непрерывно извергаясь тяжелыми теплыми ливнями. А надо всем этим раскидывала свой пышный, искрящийся хвост летящая «Патриция», видимая теперь и днем.

Жуткая, фантастическая картина способна была наполнить ужасом человеческие сердца... Но люди умели сдерживать их биение и бесстрашно копошились у своих, казавшихся жалкими и ничтожными в зловещем блеске солнцеподобного шара, тяжело ворочающихся и урчащих моторами машин.

Все носили темные очки и были одеты в специальные костюмы из асбестовой ткани со свинцовыми прокладками, предохраняющие от нестерпимого жара и влияния радиоактивности и снабженные кислородными респираторами.

Стоя на вершине холма, где расположился штаб-квартирой весь руководящий операцией персонал, рядом с Роллингом, мистер Ричард Конвэй наблюдал эволюции танковых соединений. Несколько сот машин, казавшихся с высоты маленькими спичечными коробочками, образовали вокруг шара явно различимое кольцо и медленно, осторожно, но неуклонно продвигаясь вперед, все суживали его... Возле машин суетились крошечные точки — люди... Они тянули какие-то провода за машинами, что-то подносили к ним. Машины смыкали круг очень медленно... Наконец, они остановились. Расстояние между составлявшими это

кольцо отдельными машинами не превышало 10 метров...

— Теперь наступает самый решительный момент, — сказал Роллинг мистеру Конвэй, — через 5 минут они включат ток... Тогда посмотрим.

Мистер Ричард Конвэй, повинаясь своей застарелой журналистической привычке, взялся быть историографом этой битвы и, хотя отлично сознавал, что занимается глупостями, но с увлечением заносил в свою записную книжку все подробности происходящего. На слова Роллинга он едва кивнул головой.

— Ты хронический журналист, старина... — улыбнулся Роллинг. — Когда у тебя в руках перо и блокнот, ты не способен ни бояться, ни волноваться... Тогда тебя ничем не удивишь. Однако, не прозевай главного... Осталось 30 секунд.

По приказу, переданному по радио, все машины одновременно включили ток в свои электромагниты ...

Как подхлестнутая кнутом норовистая лошадь, атомный шар вздрогнул, подпрыгнул и тотчас же рванулся в одну сторону, испуская из себя извивающиеся, как щупальца, лучи прямо на застывшие в неподвижности машины ... Приглушенный крик испуга вырвался из грудей наблюдавших... Было видно, как несколько стоявших за машинами людей бросились бежать... Некоторые из них упали и остались в таком положении. Лесок, на опушке которого стояла эта группа машин, тотчас же вспыхнул, точно облитый бензином, и стал гореть с громким треском и гулом, смешивающимся с гулом, издаваемым атомным шаром... Однако, немедленно отданными приказами напряжение было отрегулировано, несколько резервных машин заняли место в строю и шар, вернувшись на старое место, застыл, вздрагивая и выбрасывая целые снопы разноцветных искр...

— Пока что мы победили, — облегченно вздохнул Роллинг, — но что дальше? ..

— Вот именно, что дальше? — отозвался эхом стоящий здесь же профессор Бегг.

Однако, на эти вопросы никто не ответил, да и не смог бы ответить...

Теперь атомный шар был прикован к своей колыбели на острове Энст. В таком положении он оставался несколько дней, заметно увеличиваясь в размере, и все увеличивающимся жаром время от времени принуждая менять позиции атаковавшие его машины, принужденные отступить перед угрозой быть расплавленными и тем самым ослабить действие своих электромагнитов, и так работающих уже на полную мощность. Предложение профессора Джаспера Бегга обсуждалось и изучалось со всех сторон, но никто не решался взять на себя смелость и отдать приказ о приведении его в исполнение. Над островом Энст непрерывно крейсировали эскадрильи бомбардировщиков, груженных атомными бомбами, готовых по первому сигналу сбросить свой страшный груз. Но никто этого сигнала не подавал и кнопки бомбосбрасывателей оставались ненажатыми...

В море, на почтительном отдалении, вырисовывались сталисто-серые громады линейных кораблей, тяжело ворочавших жерлами своих 16-дюймовых орудий, не выпуская из поля обстрела точку на острове, где лежал, набираясь силы, адский шар, и готовых так же забросать ее сокрушительными снарядами весом в тонну... Но с командных пунктов дредноутов не подавали приказа открыть огонь... Люди остановились в недоумении, решительно не зная, что предпринять, покуда сам атомный шар не вывел их из этого недоумения.

Над островом Энст разыгралась буря такой небывалой силы, что можно было подумать, что уже наступил конец света... Зигзаги молний перекрещивались на фоне светящихся тем же адски ярким зеленым светом туч с молниями, которые выбрасывал из себя, словно веселясь среди этого буйства разгулявшихся сил природы, сгусток взбунтовавшихся атомов... Гром гремел так, что барабанные перепонки людей не выдерживали... Ветер, неистовствуя, бешеными порывами положил на землю, повыворачивав с корнями, деревья лесов, как обычный ураган кладет на землю рожь, и катал по всему острову многотонные глыбы камней... Остаться на поверхности земли не было никакой возможности, и все укрылись в пещерах. Зажимая уши ру-

ками, мистер Конвэй, едва переводя дух, вбежал в свою пещеру, где застал полковника Нортон, невозмутимо чистившего свой пистолет. Он глянул на Конвэя, одежда на котором висела бесформенными отрепьями, и спокойно сказал:

— Я думаю, это уже конец...

— Может быть, — ответил мистер Конвэй и, указывая на пистолет, даже улыбнулся... — Вы что, против атомов решили обороняться, полковник?

Тот пожал плечами.

— Если хотите — да... Медленно сдыхать, если нас засыплет, мне не по вкусу.

У входа появился оборванный и измученный Роллинг.

— Конец — не правда ли? — в один голос обратились к нему полковник и Конвэй.

— Мира — нет еще, а нашей затеи с магнитами — да!.. Только что шар сорвался с привязи и, совершенно испепелив остатки Норвича и потопив несколько судов, исчез, гонимый шквалом в восточном направлении... — и, переведя дух, добавил: — Я думаю, что буря должна скоро окончиться.

Глава XVIII

ПРЕДСМЕРТНЫЕ КОНВУЛЬСИИ ЗЕМЛИ

Последнее астрономическое коммюнике сообщило, что путь кометы «Патриция» не был отклонен при прохождении ею орбиты Юпитера... Небесная гостья, вступив в пределы Солнечной системы, продолжала мчаться к Земле... Самые последние, уже точнейшие вычисления, произведенные во всех обсерваториях мира, дали один и тот же безнадёжный результат ...

Встреча двух небесных тел была неминуема и неизбежна. Профессор Стаффорд не ошибся. Видимая во всем северном полушарии его комета покрывала теперь своим роскошным шлейфом-хвостом уже значительную часть неба

и целыми ночами висела над обреченной и притихшей перед последним приступом паники Землей, зловеще мерцающая красноватым отблеском. Свет ее уже был настолько силен, что безлунными ночами заметно освещал земную поверхность и отбрасывал тени... Земля даже начинала уже ощущать на себе влияние приближающегося небесного тела: океанские приливы становились все выше и выше.. В некоторых местах вода наступала на сушу, прорывая возведенные дамбы и затопляя низколежащие местности, в других обнажала морское дно, много веков лежавшее под водным покровом. Были затоплены большие территории в Голландии и Дании... Были отмечены значительные колебания земной коры в местностях, ранее не подверженных землетрясениям, и отмечена усиленная вулканическая деятельность. Этна, Везувий и Ключевая Сопка извергали грозные потоки лавы, угрожая полной катастрофой всем близлежащим местностям... Метеорологи и синоптики недоуменно разводили руками, пытаясь систематизировать совершенно неожиданные скачки метеорологических данных...

Горячным темпом везде шли непрекращающиеся работы... Человечеством делались последние усилия сохранить себя в недрах глубоких пещер и туннелей.

О происшествии с атомами на далеких Шетландских островах мир слышал только далекие и неясные отголоски, придавая очень мало значения этим, в сущности, земным делам перед лицом космической угрозы. И внезапно эти земные дела ворвались в жизнь страшным и бурным потоком хаоса и разрушения, положив тем самым начало последней умоисступленной панике, в которой нашло свой выход все нервное напряжение нервного века...

Сияя своим ужасающим огненным ликом, среди огромных клубов пара от испаряемого им моря, в сопровождении звуков глубинного низкого гула, в черно-зеленых клубящихся тучах, — появился атомный шар, достигший к тому времени двух метров в поперечнике, у фиордов Норвегии, севернее Бергена... Море кипело и ходило колоссальными валами на протяжении нескольких километров. Население, даже не успев отдать себе отчет в том, что это та-

кое, поспешно бежало вглубь страны... Но по воле капризно изменившего свое направление ветра, страшный шар пощадил Норвегию. У самого берега он внезапно изменил направление своего движения и, зажегши только небольшую рыбацью деревушку, повернул резко на юг, оставляя за собою полосу кипящей воды и закрывающие ее пары ...

Он вступил на континент в устье Везера... Сжег Везермюнде и, зажигая леса и города, оставляя за собой страшную просеку развалин, пожарищ и трупов, пересек Германию по ее северо-западной границе и обрушился на Францию... Париж был первым большим городом, которому довелось пережить атаку взбунтовавшихся атомов. Эта атака была страшной, и город уцелел только потому, что она пришлась не непосредственно по нему, а лишь захватила его крылом. Эйфелева башня, однако, хотя шар прошел от нее на расстоянии более километра, осела и рухнула, будто была построена не из металла, а из мягкого теста...

С Парижа, собственно, и началась всеобщая паника. Импульсивные французы, давно уже, в сущности, не имеющие подлинного крепкого духа, который помог бы им пережить это испытание, не выдержали и первые нарушили одну общую организованную систему, которой подчинялись до сих пор все. Лозунг: «Спасайся, кто может» — был брошен, и люди стали искать спасения сами, штурмуя транспортные средства в Марселе и Бордо, когда шар только покидал Париж. Из Франции паника перебросилась на остальную Европу и весь мир.. Люди брали с боя места в еще неоконченных пещерах, где потом задыхались от недостатка воздуха... Грабились и уничтожались огромные склады продовольствия... В других местах начался повальный голод, так как все транспортные артерии были нарушены... О выполнении долга никто уже не думал, и во всех глазах горел один всепокоряющий, непобедимый и нерассуждающий страх. В странах, более удаленных от районов непосредственной опасности, но наиболее неустроенных экономически и с несовершенной политической структурой, где народ до сего времени бедствовал под неумело слабым или преступно-жестоким управлением, — произошли грандиоз-

ные кровавые революции и смены режимов, хотя делалось все это скорее стихийно, так как никто теперь уже не сомневался в том, что всеобщий неумолимый и страшный конец — грядет, и скоро человечеству придется искупить все свои грехи... Над всей Землей простер свою руку ужас и повис дикий, душераздирающий вопль отчаяния...

А огненный шар, сея смерть и пагубу, спустился цветущей долиной Роны, походя превратив ее в опаленную пустыню, пересек Средиземное море и раскаленным утюгом прошелся по Сахаре, оставляя за собой широкую дорогу из застывшей стекловидной массы расплавленного песка.

Страшные грозы и ураганы бушевали на пространствах многих сотен километров вокруг мест прохождения атомного шара... Описав циркуляцию по Сахаре, он в районе Даккары спрыгнул в Атлантический океан с видимым намерением навестить Америку и вновь окутался гигантскими клубами пара, поднимающимся вверх на десятки километров...

Вся Земля содрогалась и корчилась в последних конвульсиях. А где-то в безбрежных пространствах Космоса мчалась огромная раскаленная масса, быть может, тоже расщепленных атомов, с каждой секундой приближая близкую роковую неизбежность последнего страшного мгновения...

Глава XIX

ИЗ ДНЕВНИКА МИСТЕРА РИЧАРДА КОНВЭЯ

Лондон, 25 октября 195 ... года.

Все это смахивает на сумасшествие... На какой-то фантастический, горячечный бред... Вот я опять дома. Но Боже великий! Как непохоже все то, что я оставил в Лондоне на то, что нашел теперь в нем... Лондон, который кипел и жил напряженной, интенсивной жизнью в наихудшие часы беспощадных воздушных бомбардировок — теперь пуст

и мертв... Если бы мне сказали, что в нем осталась одна десятая часть его обычного населения, я бы удивился... Тишина, мерзость и запустение... Куда выехали несколько миллионов его жителей? Кажется, все они ищут убежища в туннеле под Ла-Маншем. К чему? Разве есть спасение от этих двух шаров, путешествующих один по Земле, другой по Вселенной ..

Очаровательное произведение Мэттью Роллинга сейчас сравнительно далеко, где-то в Африке, а мой бедный Лондон выглядит кладбищем.. Тишину пустынных улиц иногда нарушает проносящийся с дикой скоростью, завывающий, одинокий, случайный автомобиль... Транспорт отсутствует. Я почти голодаю. По ночам, озаряемым красным отблеском зловещей кометы, дикие крики оглашают окрестности. Кого-то кто-то грабит... Зачем? Кого-то убивают, режут, душат... К чему? Воют откуда-то появившиеся бродячие собаки... Для чего?

Надо всем, что делается — повис теперь этот ужасный, роковой вопрос: «Зачем?». Мэттью Роллинг где-то преследует катящийся по земной поверхности шар... Опять-таки — зачем? Неужели он на что-то надеется? Если бы ему (что совершенно исключено) удалось даже сладить со своими устроившими революцию атомами, то что же можно сделать с «Патрицией», закрывающей теперь своим хвостом половину неба? Остается ведь всего несколько коротких дней бытия перед без конечным небытием. Я удивляюсь, что наша Земля еще стоит на месте... Вода уже не стоит... Огромные местности затоплены; сказывается влияние силы притяжения кометы.

Я пишу потому, что надо чем-то заполнить время. Пат, мою нежную, прекрасную Пат я не видел со дня ее отъезда с острова Энст... Зачем?

Лондон, 28 октября 195 ... года.

Я был у Стаффорда. Пат живет теперь в доме своего дяди. Она встретила меня, как можно встретить самого доб-

рого, любимого друга. Неужели не больше? О, все это сведет меня с ума... А впрочем... Зачем? Зачем, мистер Конвэй? Зачем, зачем, зачем?..

Старый профессор не вышел из своего кабинета, где он все время что-то вычисляет, и мы просидели несколько часов вдвоем в полутемной гостиной, скупо освещенной злобующим светом кометы, проникавшим через окна. Электрический свет уже давно не горит. Было холодно и жутко... Жутко, потому что разговаривать нам было не о чем... Мы молчали, изредка перекидываясь фразами. Пат куталась в толстый плед и расспрашивала меня о Роллинге. Это — единственная тема, которая ее немножко оживляет. Уж не ревную ли я? Зачем?

Провожая меня и пожимая мне руку, она сказала, как-то нервно рассмеявшись и закинув свою голову:

— Боже мой! Как отвратительно! Иногда мне хочется быть пьяной...

Я, очевидно, удивленно поглядел на нее, и она сочла нужным добавить:

— Судьба была немножко жестока ко мне, мистер Конвэй... (Милосердный Боже, ведь когда-то она называла меня «Диком!...») Умирать было бы легче, зная — что такое настоящее счастье...

Мне нестерпимо захотелось сказать ей, что я люблю ее... Люблю так, как только можно любить на этой Земле, которой не станет через несколько дней. Люблю от первого момента нашей встречи и буду любить тогда, когда тени наши будут блуждать среди немых холодных звезд в горних пределах, если только там есть место для земных человеческих чувств... Но я не сказал ничего... Невеликая честь размякнуть и расслабиться за несколько дней до смерти. Мне показалось более достойным промолчать. Я никогда не любил мелодрам, а признание в любви в такой ситуации — очень походило бы на мелодраму... Судьба была жестока и ко мне, но если ей не угодно было дать мне счастье любви этой женщины, я не буду вымаливать у нее грошовой милостыни...

Но... чего бы я не дал (а что я, в сущности, имею теперь?..), чтобы услышать, как эти губы прошепчут у моего уха: «Да...» Да полно, прошептали ли бы они это слово, мистер Конвэй?.. Иногда мне казалось, там, на острове, что они могли бы прошептать его... Теперь — я сомневаюсь. Но что если гордость этой женщины (а она горда, как сам Люцифер) заставляет ее думать, как думаю я: «Не будем выпрашивать милостыни у судьбы ...»

Лондон, 30 октября 195 ... года.

Писать почти невозможно... Очевидно, это уже последние строки в моем дневнике... Целые сутки наш остров колеблется подземными толчками... Качаются лампы. Падают картины и украшения... Каждую секунду я ожидаю, что дом рухнет, как рухнули уже многие дома в моем многострадальном Лондоне... Чем вызвано это землетрясение — «Патрицией», которая уже чудовищно близка, или бесчинствами бунтующих атомов? Да не все ли равно... Скорей бы! Эта агония утомительна.

Прощай, мой дневник. Прощай, моя Пат! Моя единственная, несбывшаяся мечта. Заходящее солнце дрожит красным отсветом на куполе собора Св. Павла. В его меркнущих лучах кажется ослепительно белым фантастически-прекрасный небесный шлейф смертоносной «Патриции». Пальцы мои устали. В руки Единого Бога, Творца-Вседержителя предаю я дух мой. Я все сказал.

Лондон, 20 ноября 195 ... года.

С трепетом беру я мой дневник... Я знаю, как трудно будет писать мне в нем... Трудно, но не по тем причинам, которые указаны в последней записи, три недели тому назад. Просто будет трудно связно и последовательно изложить все, что произошло за эти три недели. А сделать это нужно, ибо нет теперь рокового вопроса: «Зачем?» И мой

дневник, мой неизменный друг во всех бедах и радостях и спутник во всех приключениях — нужен мне, как немой свидетель всей моей земной человеческой жизни. Сейчас я воздержусь от излияний моих личных чувств, я буду просто беспристрастным летописцем.

Итак, Земля спасена! Мы живем!

Произошло это чудесное спасение Земли от двух страшных опасностей следующим образом: когда уже казалось, что настали последние минуты и хаос на Земле достиг своего апогея, когда смерть распростерла уже свои черные крылья над всей планетой, случилось истинное чудо... Атомный шар, купавшийся где-то в Атлантике, направляясь к Америке, внезапно еще раз резко переменял свой курс и со все возрастающей скоростью, до того сравнительно небольшой, направился круто на север. Расплавив и превратив в пар огромные массы векового льда в полярных областях, где-то в районе магнитного полюса, он оторвался от поверхности Земли и со скоростью свыше 15 километров в секунду, как утверждает профессор Стаффорд, ни на минуту не прекращавший своих наблюдений, устремился ввысь, навстречу приближающейся «Патриции». Влияние притяжения кометы сорвало его с Земли и он, преодолев земное притяжение, отправился в космическое странствие.

Через два дня, в 2 часа пополудни (это случилось 3 ноября 195 ... года) на несколько коротких секунд с Земли было видно два солнца... Второе засияло светом, по своей интенсивности в несколько сот раз превышающим свет настоящего Солнца, но скоро померкло. Это «Патриция» столкнулась с вылетевшим ей навстречу сгустком атомной энергии производства Роллинга, и они в чудовищном взрыве уничтожили друг друга, обратившись, по объяснению Роллинга, в новый пучок космических лучей.

Еще через несколько дней опомнившиеся правительства опубликовали торжественные декларации о чудесном избавлении от опасностей и призвали граждан возвращаться к нормальной жизни и исполнению своих обязанностей. Всюду звонили колокола. В церквях служили благодарственные молебны. Незнакомые люди на улицах обнимались,

целовались и клялись друг другу в вечной дружбе.

Мэттью Роллинг стал героем дня. О нем трубили газеты, его превозносили, ему поклонялись!.. Никогда ни один смертный не мог и мечтать о такой популярности. Кто-то поднял вопрос, подхваченный всей прессой и общественным мнением всех стран, о сооружении ему при жизни грандиозного памятника с надписью: «Спасителю Земли — благодарное человечество» в качестве признания его заслуг перед человечеством, ибо его взбунтовавшиеся атомы ликвидировали угрозу Земле со стороны «Патриции»...

Но Мэттью слеплен, очевидно, из другого теста, чем все люди. У этого человека хватило здравого смысла, чтобы в эти минуты своего триумфа действительно спасти человечество от страшного заблуждения и повернуть вопрос спасения Земли совершенно другой стороной, поставив его с головы на ноги. Он с негодованием отверг мысль о памятнике, опубликовав в «Таймсе» короткую, но выразительную статью-письмо. Я приведу эту статью целиком:

«Таймс» от 18 ноября 195 ... года.

«Ганс Вайнингер говорил, что “Человек — это разновидность обезьяны, страдающая манией величия”... Ганс Вайнингер — тысячу раз прав!..

Эта разновидность обезьяны изобрела культуру, цивилизацию, науку, искусство, технику. Окружив себя произведениями своего разума и введя в свой быт плоды своего, как она вообразила, гения, она действительно возомнила о себе слишком много и посягнула на извечные тайны природы... Она захотела овладеть Изначальной Тайной... Тайной строения материи.

Она расщепила атом и кощунственной рукой приподняла покрывало, мудро скрывавшее от ее взоров Божественную Тайну Вещества и Вселенной... И, приподняв это покрывало, разновидность обезьяны отступила, смущенная и растерянная... Ее взор не смог вынести сияния лика Тайны... Ее “разум” — оказался слишком примитивным и сла-

бым... Ее “гения” не хватило даже на то, чтобы осмыслить свое деяние.

“Есть многое, Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам!..” — эти слова Шекспира блестяще оправдались: покрывало было приподнято на беду разновидности обезьяны... И если бы не неизреченное милосердие Всевышнего, еще раз явившего Свое Долготерпение и пославшего из неведомых глубин беспредельного Сада Своего — Вселенной — “Комету Патрицию 195... года”, чтобы в последний миг спасти заблудшую, грешную Землю, — это кошунство было бы последним для разновидности обезьяны, страдающей манией величия ...

Земля была спасена не атомным шаром Роллинга от кометы “Патриции”, но Земля была спасена кометой “Патрицией” от последствий мании величия жалкой и ничтожной разновидности обезьяны. Человечество получило урок и предупреждение.

Запомнит ли оно их?.. “That is the question...”

Мэттью Роллинг».

После этой статьи я понял, что Мэттью действительно достоин поклонения. Но в первые дни избавления этими вопросами никто не задавался, все жили и были счастливы уже одним этим фактом.

Я, конечно, поддался общему настроению и помчался к Стаффордам. Профессор высоко поднял брови, когда я, как угорелый, бросился его целовать. Он деликатно отстранился и проямлил:

— М-да ... э-э... это очень удачно все вышло... э-э... молодой человек...

Я отыскал Пат, и в первый раз мы поцеловались с ней... Но... ведь и незнакомые люди целовались на улицах... Первым ее вопросом был вопрос о Роллинге... Что мне оставалось делать после этого, как не промолчать угрюмо целый час моего визита... Глаза Пат задорно блеснули, она говорила без умолку, что-то вспоминала, что-то обсуждала, строила какие-то планы и в ее речах каждым десятым сло-

вом — было имя Роллинга.

Я возвратился домой и несколько дней просидел запершись, в самом мрачном и подавленном настроении, которое было много тяжелее, чем в самые наихудшие дни кометно-атомного светопредставления...

(Боже мой! Как трудно мне выполнять данное обещание и придерживаться летописного стиля изложения!.. Но доведу его до конца.)

Через несколько дней мне стало известно, что в Лондон прибыл Роллинг. Тогда я решил одним ударом покончить с терзавшими меня сомнениями. «Известность, какая бы она ни была, — подумал я, — лучше неизвестности»... Я отважился на безумно трудный шаг. Я решил сделать официальное предложение Патриции, холодно и с достоинством выслушать мягкий и смущенный отказ. (Мне стыдно вспоминать, что я был так наивен, предполагая, что смогу выслушать его бесстрастно и с достоинством). Выслушать его и, освободившись от моих жалких иллюзий, уехать куда-нибудь за тридевять земель, от Патриции, от Лондона, от всего мира...

Я надел фрак (я всегда ненавидел эту одежду), принял самый торжественный и официальный вид и поехал к Стаффордам.

В этот день, когда я увидел ее, Патриция была очаровательнее, пленительнее и обаятельнее, чем когда бы то ни было прежде... Увидев меня, она захлопала в ладоши, глаза ее выбросили целые снопы веселых искр, на которые мне больно было глядеть, и она стремительно сбегала навстречу мне по широкой лестнице...

— О, Дик, Дик!.. — воскликнула она, — наконец вы можете поздравить меня... Я выхожу замуж...

(Бедное мое сердце! Как вынесло ты эту минуту!..)

Пат схватила меня за руку:

— Почему же вы молчите, Дик?! Неужели вы не рады за меня? А я так верила в вашу дружбу...

(Проклятое слово!.. Сколько мужчин проклинали уже его!..)

— Я ... рад за вас... мисс... Стаффорд!.. — сумел выдать из себя я.

— Вот и отлично, — щебетала Пат, — но почему ваши брови нахмурены, почему вы такой мрачный? — и, не дождавшись моего ответа на эти вопросы (да и нужен ли ей был мой ответ?!), она продолжала:

— И скажу вам, Дик, чтобы удивить вас, вы знаете моего избранника, и, по удачному стечению обстоятельств, он сейчас у нас в доме...

— Я... знаю... вашего жениха?.. — растерянно пробормотал я, хотя, конечно, отлично знал в ту минуту, кого она имеет в виду.

— Да, вы знаете его! Итак, давайте вашу руку и пойдемте... Я официально представляю его вам, как моего жениха...

Она взяла меня под руку и увлекла по направлению к выходу из вестибюля, где происходил этот разговор.

(Милостивый Боже! Как ненавижу я в эту минуту этот идиотский фрак, подчеркивающий всю глупость моей за-
теи!..)

*:

Лондон, 21 ноября 195 ... года.

Мою летопись прервали вчера неожиданным визитом. Сегодня я могу продолжать ее. Были доктор Макдуф и полковник Нортон. Доктор не утратил своей привычки часто упоминать имя черта и всех его родственников, а полковник по-прежнему именует меня только «сэром» и говорит, что я ему нравлюсь...

Итак, я убедился в том, как может быть жестока женщина, даже такая женщина, как Патриция Стаффорд. О, если бы она знала, какие невыносимые мучения переживал я в те минуты, она не затевала бы этой сцены.

Мы шли с ней об руку, и я через несколько секунд ожидал увидеть красивое и мужественное, счастливое лицо ее избранника... О, конечно, я знал его...

Но я ошибся... Я не увидел красивого и мужественного лица, а увидел лицо, имевшее одновременно непередаваемо дурацкий, растерянный, злой и смущенный, жалкий и комичный вид... Внезапно она подвела меня к широкому, во весь простенок, зеркалу и, отступив на полшага назад, подтолкнула меня к нему...

— Вот мой избранник... И сейчас он будет просить моей руки... Недаром на нем это торжественное одеяние...

— Пат!.. — возопил я, стремительно оборачиваясь к ней, — Пат, вы не...

— Ну, конечно же, Дик!.. — ответила она, запрокидывая голову и смеясь...

. . . . .

— О, Дик! — тихо сказала Пат, отрывая свои губы, — ведь это было жестоко заставлять меня так долго ожидать моего счастья...

Ladies and gentlemen! Как вам понравится эта женская логика?!

Опять визит... Впрочем, эти визиты так радуют меня...

Лондон, 25 ноября 195 ... года.

К моей летописи мне остается только добавить, что Патриция Стаффорд, вдова Вилкинса, позавчера стала мистрис Патрицей Конвэй. Во время обряда бракосочетания ее шафером был полковник Нортон, моим — доктор Макдуф. Единственным обстоятельством, омрачающим наше с Пат счастье, есть то, что, когда я просил Мэттью Роллинга быть моим шафером, он только мягко сказал:

— Мне не хотелось бы этого, Дик... Пожалуйста, избавь меня от этой штуки...

Но по его лицу прошла легкая тень, увидев которую, я понял многое...

Книга публикуется по первоизданию
(Мюнхен, 1947) с исправлением очевидных опечаток и
ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации.
Имена и топонимы оставлены без изменений.

Оглавление

Глава I. Разговор с киями в руках	7
Глава II. Из дневника мистера Ричарда Конвэя	11
Глава III. Мистер Конвэй теряет душевное равновесие	28
Глава IV. Разговор с пистолетами в руках	32
Глава V. Мистер Конвэй выслушивает лекцию по атомной физике	36
Глава VI. Пять фунтов стерлингов, изменившие историю человечества	44
Глава VII. Первая схватка (Надежда посещает мистера Конвэя)	48
Глава VIII. Доктор Макдуф оказывается на высоте человеческого достоинства	55
Глава IX. Мистер Конвэй прибегает к услугам Скоттлэнд-Ярда	60
Глава X. Полковник Нортон одобряет действия мистера Конвэя и берет инициативу в свои руки	64
Глава XI. Шутка мистера Конвэя	71
Глава XII. Субмарина появляется у берегов острова Энст	79
Глава XIII. Последняя игра Джона Вилкинса	83

Глава XIV. Патриция повторяет ошибку мистера Ричарда Конвэя	88
Глава XV. Мистер Роллинг прибывает слишком Поздно	94
Глава XVI. Бунт атомов	98
Глава XVII. Атомы начинают свое странствие	104
Глава XVIII. Предсмертные конвульсии Земли	114
Глава XIX. Из дневника мистера Ричарда Конвэя	118

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.